

О правдѣ и кривдѣ.

(Къ вопросу о семейномъ разладѣ Л. Н. Толстого) ¹⁾.

„Возмердѣшна и согниша раны моя, отъ лица безумія моего. Пострадахъ и слякохся до конца, весь день сѣтуя хождахъ: яко лядвія моя наполнишася поруганій, и нѣсть исцѣленія въ плоти моеи“ (Псаломъ 37).

Когда хочется понять, хочется уловить живую правду о чемъ-нибудь, всегда вѣрнѣе обращаешься къ выразительнымъ мелочамъ, къ частностямъ и случайностямъ жизни, къ маленькимъ черточкамъ, къ тѣмъ безконечно-малымъ психологич. человѣка, въ которыхъ правда, какъ равно и неправда, чаще всего и схватывается живьемъ. Здѣсь, въ этихъ извилинныхъ складочкахъ, пестрѣющихъ подкладочкахъ, маленькихъ узелкахъ, въ тѣни незамѣтныхъ уголковъ неслышно

¹⁾ Статья написана болѣе пяти лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти Л. Н. Толстого. Если она печатается теперь, то только потому, что съ намѣченной точки здѣсь зрѣнія *Толстой и толстовское* не нашли себѣ освѣщенія въ посмертной литературѣ. А между тѣмъ и такъ, съ такого угла зрѣнія, подумать о Толстомъ людямъ, ищущимъ правды, нужно: быть можетъ, кто-нибудь изъ соблазняющихся и еще несоблазненныхъ — задумается. Только это и позволяетъ автору печатать статью, несмотря на сознаніе всѣхъ недочетовъ написавшаго тогда. Весьма замѣтны въ статьѣ недоговоренность и вмѣстѣ переговоренность происходить какъ разъ отъ внутренней обязанности выговорить то, что осталось, остается невыговореннымъ о Толстомъ и что такъ трудно поддается выговариванію. Только невозможность при современныхъ настроеніяхъ печати провести статью черезъ какой-нибудь общій литературный органъ вынуждаетъ автора обременять страницы „Богословскаго Вѣстника“ разборомъ семейной драмы Л. Толстого.

прячется самая интимная, потайная душевная глубь, та тончайшая цвѣтистая пыльца, изъ которой только и добывается медь внутренняго пониманія, безъ которой душевный міръ теряетъ всѣ свои очарованія и краски. Здѣсь, въ этихъ невидимыхъ пылинкахъ и пушинкахъ, въ этихъ неразложимыхъ психологическихъ атомахъ, въ этихъ дифференціалахъ души, трепетно бьется самое сердце жизни, загадочно темнится клубокъ противорѣчій, тѣхъ противорѣчій, которыми жизнь живетъ и дышетъ, и движется, и растетъ. Только здѣсь можно разслышать тихій, едва-слышимый шопотъ той стыдливой, внутренней правды, которая боязлива на громкія слова и видныя поступки, на выѣшнія, показныя заявленія и замѣтныя выраженія, для которой такъ больно, такъ странно выговаривать себя... Безъ вниманія-же къ этимъ чуткимъ малостямъ пониманія всякая правда похожа на ложь, всякое знаніе о чемъ-либо становится обидно-безжизненнымъ, безпсихологическимъ, безкровнымъ, отвлеченно-пустымъ, слишкомъ общимъ и общественнымъ.

Конецъ семидесятыхъ годовъ, годы передъ „Исповѣдью“— время самаго остраго кризиса въ жизни Л. Н. Толстого, время перелома, а вмѣстѣ и начало пока еще смутнаго, только еще надвигающагося разлада въ семейныхъ отношеніяхъ Толстыхъ. „Исповѣдь“ пишется въ 1879—81 гг.; но пережитое въ ней падаетъ на предшествующіе годы, Бирюковъ считаетъ ихъ съ 1876 г.

Левъ Николаевичъ пишетъ „Исповѣдь“, а Софья Андреевна записываетъ 8-го ноября 1878 г. въ своемъ дневникѣ: „Левочка теперь совсѣмъ ушелъ въ свое писаніе. У него остановившіеся странные глаза, опъ почти ничего не разговариваетъ, совсѣмъ сталъ не отъ міра сего и о житейскихъ дѣлахъ рѣшительно неспособенъ думать“.

А лѣтомъ того же года, Л. Н., какъ сообщаетъ біографъ, въ одномъ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ, пишетъ, между прочимъ и такое „... Во всемъ будетъ воля Божья, кромѣ нашихъ дурныхъ или хорошихъ поступковъ. Ты не сердись, какъ ты иногда досажуешь при моемъ упоминаніи о Богѣ, я не могу этого не сказать, потому что это самая основа моей жизни“.

Вотъ уже „начинается“, уже образовалась трещинка, и душевный міръ семьи дребезжитъ изъ-за этихъ самыхъ без-

покойствѣ при упоминаніи о Богѣ, что-то есть у „него“ здѣсь такое, отчего „она“, добрая, религіозная женщина, любящая, близкая и родная, уже „досадуетъ“, можетъ „разсердиться“... Обособляется, отвѣтвляется что-то въ ней, съ этими упоминаніями, „его“ одиночными упоминаніями о Богѣ и „его“ своей тревогой. Обо всемъ вмѣстѣ, о Богѣ—вдругъ стали врозь.

А было большое, простое и сильное, правдивое своей простотой, интимное своей глубиной, неразсказанное въ своей несказанности. А то, что было въ семьѣ Толстыхъ, до разрыва, и хорошо тѣмъ, что не расскажешь о немъ: не тронутое словомъ—правдивѣе, значительнѣе, глубже и чище тамъ „внутри-то“. Заботливый и обо всемъ подробный біографъ здѣсь кратокъ.

Беремъ бѣглыя записи изъ дневника Л. Н. передъ женитьбой.

Опасенія: „Я боюсь себя, что ежели и это *желаніе* любви, а не любовь? Стараюсь глядѣть только на ея слабыя стороны и все-таки люблю“. И въ другой разъ: „такъ грустно, какъ давно не было. Нѣтъ, у меня друзей нѣтъ. Я одинъ. Были друзья, когда я служилъ Мамону, и нѣтъ, когда я служу правдѣ“.

„Получивъ согласіе,—разсказываетъ Бирюковъ,—опъ даль своей невѣстѣ прочесть дневники холостой жизни, въ которыхъ съ обличеніемъ и голой искренностью описаны были всѣ увлеченія молодости, всѣ паденія и всѣ душевныя бури. „Ну, конечно“,—высокопарно разсказываетъ г. Бирюковъ, „чтеніе... было ударомъ и невыразимымъ страданіемъ для молодой дѣвушки, видѣвшей въ своемъ героѣ идеаль всѣхъ добродѣтелей. Страданіе было такъ сильно и борьба пережитая была такъ трудна, что она минутами колебалась не порвать ли уже установившуюся связь. Но любовь разрѣшила всѣ сомнѣнія и колебанія и она, выплакавъ ночами свои страданія, отдала Льву Николаевичу дневникъ, и онъ прочелъ въ ея взорѣ прощеніе и еще болѣе сильную, уже закаленную любовь“.

Они поженились, и Л. Н. писалъ Фету: „Фетушка, дяденька и просто милый другъ Аеонасій Аеонасьевичъ, я двѣ недѣли женатъ и счастливъ и новый, совсѣмъ повый человекъ“.

Много позже, когда встревоженная душа ушла въ свою, чуждую и холодную для жены, борьбу съ собой, когда проклятыя вопросы душили его, Л. Н. такъ записалъ объ этомъ:

„И тогда же, быть можетъ, пришелъ бы къ отчаянью, если-бы у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе — это была семейная жизнь“. „...Такъ противно мнѣ стало мое вилянье въ журналѣ, состоявшее все въ одномъ и томъ-же — въ желаньи учить всѣхъ и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью. Вернувшись оттуда, я женился. Новыя условія счастливой жизни совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго общаго смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, женѣ, въ дѣтяхъ, и потому въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе къ усовершенствованію, подмѣненное уже прежде стремленіемъ къ усовершенствованію вообще, къ прогрессу, теперь подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше. Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ“.

Но семейная жизнь не спасла, и эти 15 лѣтъ стали чувствоваться какъ тяжесть, какъ помѣха въ проснувшихся мысляхъ о Богѣ. Въ годы смутныхъ исканій, неразрѣшившихся томленій—*„она отвлекала* отъ всякаго исканія общаго смысла жизни“; а теперь, когда Толстой нашелъ „самую основу своей жизни“, семья тяготитъ, давитъ, ломаетъ крылья... Въ томъ же 1879 году—въ дневникѣ записано отъ 28 октября: „Есть люди, равномерно отращивающіе себѣ крылья и медленно поднимающіеся и взлетающіе. Монахи. Есть легкіе люди, воскрыленные, поднимающіеся легко отъ тѣсноты и опять спускающіеся—хорошіе идеалисты. Есть съ большими сильными крыльями, для похоти спускающіеся въ толпу и ломающіе крылья. Таковъ—я. Потомъ бьется съ сломаннымъ крыломъ, вспорхнетъ сильно и упадетъ. Заживутъ крылья, воспарю высоко. Помоги Богъ“. Что же мѣшаетъ летѣть? Не то-ли давящее сознаніе связанности съ своимъ близкимъ, земнымъ, родной берегъ, семья своя родная, жена своя, очень личная. Земнородная, она вся о земномъ, и сыта, довольна, и крѣпка, любовна этимъ влажнымъ дыханіемъ земли, землистымъ испареніемъ.

А мучительно томляція упоминанія о Богѣ у Льва Николаевича, отслояющія отъ „своего“ летучія исканія общаго

смысла жизни, обособляющія его въ этомъ общемъ, слишкомъ общимъ, своемъ, одиноко-душевномъ, немного пустомъ, отвлеченномъ, холодномъ и чуждомъ „ей“, всѣ эти „религіозности“ его—для ея чувства только подозрительное религіозничанье, умности, грозящія обезсмыслить, уничтожить ее, жену его, Софью Андреевну, со всѣмъ, что въ ней, что за ней, тамъ въ узорчато-плотномъ, цвѣтисто-землистомъ, бытовомъ, житейскомъ покровѣ. И не могла она, послушная волѣ жизни, — доброй-же, хорошей, религіозно-праведной житейской правдивостью—послушная, непосредственно, а не черезъ посредство гордаго своесолія смиренная, любящая и заботливая, не могла она со всей необходимой для ея непосредственно-цѣлостной, женски-дѣятельной натуры правдивостью и цѣльностью искренно и безболбно отдаваться дребезжащей, испытующей, вымогательской правдѣ „его“ религіозныхъ порывовъ. Что-то жестокое, чужое и холодное было для нея въ этой правдѣ. И вотъ что находимъ у Софьи Андреевны въ записяхъ того времени 8-го ноября 1878 г. „Левочка теперь совсѣмъ ушелъ въ свое писаніе. У него озацѣвившіеся странные глаза, онъ почти ничего не разговариваетъ, совсѣмъ сталъ не отъ міра сего и о житейскихъ дѣлахъ рѣшительно не способенъ думать“. 5-го марта 1879 г. „Левочка читаетъ, читаетъ, читаетъ... пишетъ очень мало, но иногда говоритъ: теперь уясняется, или: ахъ, если Богъ дастъ, то то, что я напишу, будетъ очень важно“. И еще съ ноября 1879 г. „...Левочка все „работаетъ“, какъ онъ выражается: но — увы, — онъ пишетъ какія-то религіозныя разсужденія, читаетъ и думаетъ до головныхъ болей, и все это, чтобы показать, какъ церковь несообразна съ ученіемъ Евангелія. Едва-ли въ Россіи найдется десятокъ людей, которые этимъ будутъ интересоваться. Но дѣлать нечего, я одно желаю, чтобы ужъ онъ поскорѣе это кончилъ и чтобы прошло это, какъ болѣзнь“... 1).

Но онъ такъ и не кончилъ,—а обиженный за него Бирюковъ приписываетъ послѣ этихъ словъ „неразумной жены“: „Жизнь разсудила ипаче. Милліоны людей интересуются теперь тѣмъ, что тогда писалъ Л. Н.—чѣ“. И дальше пытается „дать понятіе о самой сущности этой гигантской работы“.

1) Бирюковъ. Л. Н. Толстой. Біографія, т. II-й.

Эхъ! Работа вправду гигантская, и у гиганта она брала, надо думать, всѣ силы, всасывала въ себя всѣ живые соки, всю питательную влагу и тепло души, такъ что засыхало вокругъ самое близкое, отчуждалось самое родное, холодѣло и замерзало. И вотъ образовывался уже нѣкоторый ледонѣй ледокъ оттопленій, нечувствіе того, что „здесь“, „подлѣ“, несочувствіе „своего“, „своихъ“ насчетъ жгучесовѣстливаго порыва участія къ „тамошнему“, „дальнему“, любви и пониманія „общаго“ „чужаго“; любовь къ настоящему, живому ближнему изслыхала, сжималась, переливаясь и расплываясь въ любви къ дальнему. Устающее любить сердце для оживленія и освѣженія требовало дали, перспективы, и вотъ особенную силу забрала тогда въ Толстомъ его давняя тяга къ народу, къ „простому рабочему человѣку“. Извѣданная и уже пеобѣщавшая больше спасенія семейная жизнь не питала душу; звала къ себѣ, тянула, общалась спасеніе жизнь простыхъ людей, манила надеждой обрѣсти ея—Бога. И опять шелъ на зовъ, и опять радовался, обрѣтая, опять: „новый—новый человѣкъ“... У Льва Н—ча идетъ сближеніе съ разными людьми изъ простаго народа, зоркое око ощущиваетъ находку, смотритъ еще и еще, извиваясь въ сладостяхъ добра, а Софья Андреевна продолжаетъ безпokoпиться... Наконецъ, со многими примирилась, обжилась, поняла и по-своему приняла. „Если-бы,—пишетъ С. А. своему брату,—ты зналъ и слышалъ теперь Левочку. Онъ много измѣнился. Онъ сталъ христіанинъ самый искренній и твердый. Но онъ посядѣлъ, ослабъ здоровьемъ и сталъ типе, упылѣе, чѣмъ былъ. Если-бы теперь послушалъ его слова, вотъ когда вліяніе его было-бы успокоительно твоей измученной душѣ“ (3-го февраля 1881 г.). А въ дневникѣ Л. Н. 5-го мая записано: „Вчера разговоръ съ В. И. о Самарской жизни. Семья — это плоть. Бросить семью—это второе искушеніе—убить себя. Семья—одно тѣло. Но не поддавайся третьему искушенію, служи не семьѣ, по единому Богу“.

Въ свое время, отъ перваго искушенія,—отъ соблазна убить себя,—Л. Н—ча непосредственно-то удержала не столько слабость нерѣпающагося на самоубійство человѣка, даже не огромная животная жажда жить, а больше всего *неуверенность, исполная уверенность въ отчаянности своего положенія* и связанная съ нею неуспокоенность, *исканіе* большого Тол-

стовскаго ума—разума. „И мнѣ приходило въ голову: а что, какъ я чего-нибудь не знаю?“...¹⁾ И теперь удерживаетъ его отъ „второго искушенія“, быть можетъ, та-же *неполная* увѣренность въ правотѣ своего отпаденія отъ „плоти“—семьи, плоти жизни всего прежняго житья-бытья. И смутное, глухое сознание того, что не все ясно въ томъ, отъ чего отвращается душа, чѣмъ тоскуетъ, на что жалуется, вызываетъ тяжесть, духоту, неясное томленіе. Томленіе переходитъ въ досаду, даже въ раздраженіе. Обвиненіе за неудачу обновленія, за „поломанныя крылья“, за безсиліе вспархиваній переносится, по стародавнему человѣческому навыку, на „нихъ“, на людей своихъ близкихъ, на обстановку, на бытъ. Вотъ и „Фетушка“, „дяденька“, чужимъ, далекимъ кажется и даже „враждебнымъ“. „Милый другъ Аѳанасій Аѳанасевичъ“, такой всегда нужный Толстому своей оземлившейся, сочно-красочной душевностью, вдругъ сталъ, вправду сказать, постылый недругъ, чужой человѣкъ. Жена, Феть, друзья, знакомые, всѣ они не понимаютъ, дѣлаютъ большіе глаза, противятся ему и, главное, такому, „какимъ“ онъ еще не сдѣлался, тому, „что“ онъ еще не сдѣлалъ. „Враги человѣку домашніе его“—это евангельское указаніе лежитъ придорожнымъ камнемъ на пути идущаго ко Христу. Идущій-же по „своему“ пути,—прежде всего самъ врагъ домашнимъ. Вотъ запись дневника, словно изъяніе, высѣченное на камнѣ рукою скульптора-гиганта: „Прошелъ мѣсяць. Самый мучительный въ моей жизни. Переѣздъ въ Москву. Всѣ устраиваются, когда же пачнутъ жить? Все не для того, чтобы жить, а для того, что какъ люди. Несчастные. И нѣтъ жизни“. Или: „Вонъ, камни, роскошь, нищета, развратъ. Собрались злодѣи, ограбившіе народъ, забрали солдатъ, судей, чтобы оберегать ихъ оргіи, и—пируютъ. Народу больше нечего дѣлать, какъ пользуясь страстями этихъ людей, выманивать у нихъ назадъ награбленное. Мужики на это ловчѣе. Бабы дома, мужики труть полы и тѣла въ баняхъ и ѣздятъ извозчиками“.

И „томить его тоскою однообразной жизни шумъ“, гнететь жизни „мышья бѣготня“. Облачное небо, бѣгутъ барашки зовущихъ впечатлѣній, но „бьется со сломанными крыльями, вспорхнеть сильно и упадетъ“, больно зацѣпляясь за на-

1) „Писовѣдь“.

рядныя платья, шампанское, пеструю мишуру повседневной барской жизни. „У насъ обѣдъ огромный съ шампанскимъ. Таня наряжена. Пояса пятирублевые па всѣхъ дѣтяхъ. Обѣдаютъ, а уже телѣга ѣдетъ на пикникъ, между мужицкихъ телѣгъ, везущихъ измученный рабочій народъ“.

Волнующейся, волнистой линіей бѣгутъ унылые дни, а все нѣтъ лучше: „Самаринъ съ улыбочкой: „надо ихъ вѣшать“. Хотѣлъ смолчать и не знать его, хотѣлъ вытолкать въ шею. Высказался. „Государство“. Да мнѣ все равно, въ какія игрушки вы играете, только чтобы изъ игры зла не было“ (запись 15-го мая 1881 г.), а 28 мая: „Цѣлый день Феть“...

29 мая. „Разговоръ съ Фетомъ и женой. Христіанское ученіе неисполнимо, такъ оно глупость? Нѣтъ, но не исполнимо. Да вы пробовали его исполнять? Нѣтъ, но не исполнимо“. А онъ самъ „пробуетъ“ и „не такъ выходитъ“, „не то“ и становится врагомъ домашнимъ изъ-за этого „не то“. Какъ раньше, обезсиливъ въ попыткахъ войти въ церковь, споткнулся тамъ объ разное и ушибся... Послѣ бесѣды съ однимъ духовнымъ лицомъ, съ сердцемъ отписаль отказъ свой въ краткой „Исповѣди“. „Я все понялъ. Я ищу вѣры, жизни, а они ищутъ наилучшаго средства исполненія передъ людьми извѣстныхъ человѣческихъ обязанностей“. „Я“ ищущу, а „они“ не ищутъ. „Я“ хочу, а „они“,—Феть и С. А.,—не хотятъ, говорятъ—„неисполнимо“. „Иго Мое благо и бремя легко“, а Толстому вотъ дышать нечемъ, „бремя“ давить и онъ досадуетъ, раздражается на „нихъ“.

Мы съ Вами знаемъ, что на Олимпѣ люди жили, просто греки увеличенные до размѣра боговъ и богинь. Здѣсь и бога нѣтъ, а явственно человѣкъ, большущій, большущій, огромный, непомѣрно—сильный... Но ощущеніе „своего“, нашего—поразительное. Какъ въ кинематографѣ покажутъ вдругъ человѣчью ступню съ гору, изумишься, за то въ величинѣ съ гору—видишь всѣ неладности, нескладности въ размѣрѣ горы-же. Толстой давно сталъ для насъ чѣмъ-то совсѣмъ „внѣ насъ“, какимъ-то большимъ, большимъ человѣкомъ, почти нечеловѣческаго размѣра, сверхличнымъ, природнымъ. Громадная, прекрасная въ гигантски-сильныхъ очертаніяхъ своихъ человѣчья глыба, но совсѣмъ не въ человѣческихъ

размѣрахъ; человѣческая глыба, нависшая надъ нами, хотя изъ „нашей же“ плоти и крови. Пусть когда-то были люди—богатыри десяти-саженнаго роста и жили по тысячѣ лѣтъ, но если бы среди насъ, за нашу жизнь, явился такой, что въ храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ не установился,.... вотъ это—Толстой. А между тѣмъ, Толстой болѣе чѣмъ кто-либо отъ плоти и крови нашей. Увсличьте то и это, что по песчинкамъ, по крупинкамъ въ насъ, въ отцахъ и дѣтяхъ нашихъ, и вотъ Толстой. Величина до ужаса большая, почти до потери способности увеличивать, слагать, множить и возводить въ степень, но все это только математика, безконечно большое „Мы“, болѣе чѣмъ кто-либо изъ другихъ великихъ людей. Чтобы не далеко за примѣромъ: какъ не увеличивайте „наше“, не выйдетъ Достоевскаго, нечего и говорить не выйдетъ Франциска Ассизскаго или Амвросія Оптинскаго, а Толстой выйдетъ, но непомѣрнымъ увеличеніемъ, неисчислимой величиной такъ поднимется въ высь, въ чужь, въ природу, что на него приходится смотрѣть... ну вотъ такъ, какъ дѣти глядятъ на звѣрей (замѣчательно это ихъ въ звѣринцѣ видѣть: дѣтей смотрящихъ на звѣрей, дѣтей и звѣрей вмѣстѣ), какъ-то *слишкомъ глядятъ*. Такъ на Толстого смотрѣли на улицахъ, въ домахъ, такъ смотрѣтъ многіе ѣздили въ Ясную Поляну. Когда-то одинъ студентъ рассказывалъ мнѣ съ трепетомъ, какъ онъ видѣлъ Толстого... въ Сандуновскихъ баняхъ. Смотрятъ всѣ, какъ ребенокъ смотритъ на бегемота: у, какой! Смотритъ, ничего не понимая или все понимая, одно и то же, потому что оба—одно, одной самости животной, природной, потому что оба *слишкомъ живутъ, слишкомъ живы* въ одной стихіи, другъ черезъ друга неизъяснимо подлинныя, и только размѣровъ не постигаютъ: маленькій звѣрь большого, а большой маленькаго... И какъ не жилось Толстой подъ стекляннымъ колпакомъ, у всѣхъ на виду, какъ не много писалъ о себѣ, показывалъ, проявлялъ, себя,—понимается онъ только черезъ такое ребячье наше на него глядѣнье, а иначе всегда останется подъ стекломъ и, притрагиваясь, почувствуешь холодъ стекла, безжизненность пониманія, мертвенность изученія: живого тепла не прощупаешь. И только изнутри увидишь этого большого человѣка нечеловѣческихъ размѣровъ растерявшимся, подавленнымъ грузностью собственныхъ переживаній.

Сколько уже разъ сказала Толстой и написала: „нашелъ“, „обрѣлъ“, „понялъ“, и не находить мѣста себѣ, мѣста не находить, душа мятежна, мечется. Отсюда и поѣздки эти. въ Кіевъ. Оптину пустынь и т. п., но ищетъ не въ этихъ мѣстахъ, а болѣе *около* нихъ, въ случайныхъ встрѣчахъ на пути, въ отдѣльныхъ прикосновеніяхъ, болящихъ, по притягивающихъ, зовущимъ новыхъ трепетомъ и заставляющихъ по новому вздрагивать усталую душу. Замѣтками о встрѣчахъ, болѣе всего съ людьми простыми, полны страницы дневника этихъ лѣтъ. Читать ихъ—удивительное ощущеніе, словно смотришь на Л. Н., ловишь безпокойныя движенія разметающейся души заболѣвшаго большою болью великана, ощущаешь тревогу этой души и видишь узоры, что ложатся отъ міра на сѣтчатку глаза. Объять ихъ—дѣло невозможное. Подведу имъ маленькій итогъ записью отъ 22 августа того же 1881 г. „Тургеневъ—канканъ¹⁾: грустно. Встрѣча на пути народа радостная“.

Тургеневъ—канканъ, это символъ разложенія того, что по сю сторону кризиса, а вотъ живая радость,—какъ славно пахло ей въ „осушившееся лицо“ Льва Н.—ча—это радость о томъ, что открывается по ту сторону „дома“, обещающая встрѣча на новой дорогѣ, нить спасенья, только бы тянуть, да тянуть за нее, что есть силъ. „Исповѣдь“ хорошо рассказываетъ о томъ, какъ жизнь простыхъ людей своимъ непреложнымъ смысломъ спасла Л. Н. отъ гибели. „Сближался я съ народомъ, слушая сужденія его о жизни и вѣрѣ, и я все больше и больше понималъ истину. То же было со мною при чтеніи Четыи Миней и Прологовъ: это стало любимымъ моимъ чтеньемъ. Исключая чудеса, смотря на нихъ, какъ на фэбулу, выражающую мысль, чтенье это открывало мнѣ смыслъ жизни. Тамъ были житія Макарія великаго, Юсафа царевича (исторія Будды), тамъ были слова Юанна Златоуста. слова о путникѣ въ колодезь, о монахѣ, нашедшемъ золото, о Петрѣ мытарѣ; тамъ—исторія мучениковъ, всѣхъ заявлявшихъ одно, что смерть не исключаетъ жизни; тамъ—исторія о спасшихся безграмотныхъ, глупыхъ и не знающихъ ничего

¹⁾ Біографъ поясняетъ: „22 авг. Л. Н.—ча посѣтилъ Тургеневъ, который увлекшись общимъ безшабашнымъ веселіемъ собравшейся молодежи, съ удивленіемъ всѣхъ, протаяновать въ залъ парижскій канканъ“.

объ ученіяхъ церкви“. И хотя потомъ Толстой отошелъ отъ религіи народа, создавая „свое“ евангеліе, „свою“ вѣру, „свое“ Толстовское спасеніе и „свой“ Толстовскій крестъ, но жизнь народа продолжала оставаться для него всей правдой и звала къ себѣ, притягивала до ссоры съ собою, съ своими, и обезцѣнивала, обезсмысливала жизнь своихъ близкихъ, своего родного гнѣзда. Создавалась характерная для всѣхъ міровыхъ опростителей, обманчиво-завлекательная перспектива вчужѣ своей „народной правды“. „Далекое“, „не мое“, чуждое, мужицкое, народное „ты“—слѣпило и его зоркій, пытливый взглядъ. И „тамъ“ примирялся съ фактомъ того, чѣмъ возмущался „здѣсь“. Завлекался фикціей спасенія „туда“, отъ того, что „здѣсь“, фикціей—не только потому, что не могъ уйти „туда“, „къ нимъ“, не унося съ собой „здѣшняго“, „своего“, не перенося въ „ты“ немножечко отъ „я“, а потому еще, что „тамошнее“, прекрасное въ душѣ, народное „ты“ также нуждается въ спасеніи, какъ и свое здѣшнее устало личное „я“. Спасаться приходится не отсюда сюда, не отсюда туда, но и здѣсь, и тамъ, потому что и тамъ, какъ здѣсь, тоже самое:—разница количественная. Толстому же, въ увлеченіяхъ его, она, эта разница—качественной казалась и порождала, и питала въ душѣ его стародавнюю иллюзію спасенія народомъ, томленіе о жизни простыхъ людей, какъ о зовущей дали, обѣщающей глубин. И чѣмъ дальше, недосыгаемѣ эта жизнь, тѣмъ обманчивѣе перспектива, заманчивѣе иллюзія, острѣе тоска и больнѣе боль оставаться собою самимъ. Но было знаніе, было чутье народной жизни, была живая радость видѣть и любить, замѣчать и понимать вотъ „того“ и вотъ „этого“, это и то, все въ особенностяхъ, какъ оно есть; былъ глазъ художника, зоркій до красокъ, тѣней и оттѣнковъ, любящій, любовно сострадающій. Все это давало пиццу „иллюзіи“. Слишкомъ отъ народнаго корня Л. Толстой, русскій, полевой, деревенскій, барски-крестьянскій, роскошно-простой, народно-большой. Потому, быть можетъ, не раскрытъ, не раскорлущилъ этого, какъ многого. Да и здорово было ему все это, хорошо освѣжало, бодрило. Софья Андреевна по-постоянному это видѣла. „Теперь онъ (Л. Н.),—пишетъ она о мужѣ въ моментъ тяжелой для обопхъ жизни, какъ она сложилась съ переѣздомъ ихъ въ Москву (14-го октября 1881 г.),—наладился заниматься во флигелѣ, гдѣ онъ нацѣль

себѣ двѣ маленькія, тихія комнатки за 6 руб. въ мѣсяцъ, потомъ уходитъ на Дѣвичье Поле, переѣзжаетъ рѣку на Воробьевы горы и тамъ пилить и колеть дрова съ мужиками. *Ему это и здорово и весело*“.

„Маленькія тихія комнатки за 6 р.“, „пилить дрова съ мужиками“, уйдетъ пѣшкомъ съ Хамовниковъ на Воробьевы горы, да еще Москву-рѣку переѣдетъ, это „здоровое и веселое“ для Льва Николаевича всегда, всегда ему нужное—подъ разной „идеологіей“ продѣлывается имъ всю жизнь, и „до“ и „послѣ“ кризиса, и въ самый, самый кризисъ. Онъ здѣсь и вправду съ народомъ запросто, простонароднѣе, ближе къ правдѣ, къ воздуху, къ землѣ. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, натуральнѣе, безмятежнѣе. И, конечно, все это не та паутина, что „Тургеневъ—канканъ“, „пояса въ 5 рублей“, „пикники, гости“, „свой бытъ“, „свои комнаты“, „свои дѣла“. Вотъ идетъ Л. Н. въ „Оптину пустынь“, и, объятый путевымъ міромъ, пишетъ съ дороги женѣ. „Главное, новое чувство—это созавать себя передъ собою и передъ другими только тѣмъ, что я есмь, а не тѣмъ, что я—вмѣстѣ съ своей обстановкой. Нынче мужикъ въ телѣгѣ обгоняетъ. „Дѣдушка, куда Богъ несетъ?“—„Въ Оптину“.—„Что жъ, тамъ и жить останешься?“—И начинается разговоръ... „Только бы тебя не разстраивали и большія и малыя дѣти. Только бы гости не были непріятны, только бы сама была здорова, только бы ничего не случилось, только бы... я дѣлалъ все хорошее и ты тоже, и тогда все будетъ хорошо“ (Іюнь 1881 г.).

„Главное, главное“ это *новое*, несущее новый трепетъ души, по-новому заставляющее вздрагивать усталую душу, созавать себя тѣмъ, что, „что я есмь“. Это, пожалуй-бы, и „дома“ можно—*передъ собою*“, но передъ другими—*дома*“ нельзя. Главное и новое для себя и передъ другими въ этомъ „внѣ своей обстановки“. „Только бы“, „только бы“—то все „старое“, „свое“ осталось „по хорошему“, а ему съ этимъ новымъ такъ хорошо, такъ привольно, пока влечетъ „правда“ жизни простыхъ людей, и гнететъ „неправда“ „своей жизни“,—жизни „своихъ“. Идя на зовъ этой влекущей правды силится взлетѣть, уйти отъ того, что есть, было, бываетъ, и „пойти“ на встрѣчу тому, чего не было, нѣтъ и не бываетъ, что однако, кажется,—такъ легко можетъ быть, такъ непререкаемо должно быть. Ежечасно томящая мука обыденщины, ободнявшій,

всегдашній ликъ міра сего, своей жизни кажется оскорбительнымъ и плоскимъ, душа влечется смѣнить все это на радугу небывалыхъ цвѣтовъ жизни, на неизвѣданную бездну чужой были. Чуждая была для себя, далекаго, „свое“ осудившаго, „своего“ стыдящагося, минутами небывалой правдой представляется, мучаетъ страстно, какъ нерѣшенная жизни загадка.

Передъ переѣздомъ въ Москву это опростительская тенденція совѣстливаго народничества въ Толстомъ сказывается съ особенною силою, остротой и болью, болью отъ необходимости выносить себя *такого, какой есть*, и „съ своей обстановкой“. Проникаясь правдой жизни простыхъ людей, не только какъ отраднымъ сердцу заманчивымъ видомъ, но скорѣе, какъ поученіемъ, болѣе—какъ обѣщающимъ спасенье житіемъ, какъ святыней, какъ живою иконою, Толстой пытается добыть эту „ихъ“ правду для себя, спастись ею, смутно допуская возможность все же остаться съ собой и своими, добыть сердцемъ „главное“, „только бы ничего не случилось“ и со „старымъ“. Связь со своими, прежними кое-гдѣ потрескалась, но еще не разорвана; старое, прежнее осуждается во многомъ, но не осуждено совсѣмъ. Уже пережита „Исповѣдь“, но пока нѣтъ еще всей полноты новаго, всѣхъ послѣдующихъ обновленій. Въ это время Л. Н. обожгла какъ огнемъ, потрясла какъ падучая болѣзнь, городская нищета своимъ тревожнымъ стыдящимъ видомъ. По-новому застыдила, опрокинула, уязвила какъ ядомъ змѣинаго жала. Толстой, какъ укушенный, какъ отравленный большой левъ, прибѣжалъ изъ Ляпинскаго дома, какъ разбуженный набатомъ, мечется и стонетъ въ лихорадочныхъ припадкахъ совѣсти, то въ ознобѣ, то въ жару покаяннаго трепета, въ ягучей боли извивается, но все-таки упрямо ищетъ исхода, разрѣшенія, успокоенія.

Это было время „переписи въ Москвѣ“ и Л. Н. хватается за нее, создаетъ свою извѣстную дѣятельность около переписи, разоблачелную послѣ имъ самимъ въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“

„Въ тотъ же вечеръ“—разсказываетъ здѣсь Толстой—„когда я вернулся изъ Ляпинскаго дома, я разсказывалъ свое впечатлѣніе одному пріятелю. Пріятель—городской житель—началъ говорить мнѣ не безъ удовольствія, что это самое естественное городское явленіе, что я только по провинциализму своему вижу въ этомъ что-то особенное, что всегда это

такъ было и будетъ, что это такъ должно быть и есть неизбежное условіе цивилизаціи. Въ Лондонѣ еще хуже.. стало быть, дурного тутъ ничего нѣтъ и недовольнымъ этимъ быть нельзя. Я сталъ возражать своему пріятелю, но съ такимъ жаромъ и съ такою злобою, что жена пріѣхала изъ другой комнаты, спрашивая: что случилось? Оказалось, что я, самъ не замѣчая того, со слезами въ голосѣ кричалъ и махалъ руками на своего пріятеля. Я кричалъ: „такъ нельзя жить, нельзя такъ жить, нельзя“. Меня устыдили за мою ненужную горячность, сказали мнѣ, что я ни о чемъ не могу говорить спокойно, что я неприятно раздражаюсь, и, главное, доказали мнѣ то, что существованіе такихъ несчастныхъ, никакъ не можетъ быть причиною того, чтобы отравлять жизнь своихъ близкихъ. Я почувствовалъ, что это было совершенно справедливо, и замолчалъ; *но въ глубинѣ души я чувствовалъ, что и я правъ, и не могъ успокоиться.* И прежде уже чуждая мнѣ и страшная городская жизнь теперь опротивѣла мнѣ такъ, что все тѣ радости роскошной жизни, которыя прежде мнѣ казались радостями, стали для меня мученіемъ. И какъ я ни старался пайти въ своей душѣ хоть какія-нибудь оправданія нашей жизни, я не могъ безъ раздраженія видѣть ни своей, ни чужой гостинной, ни чисто, барски накрытаго стола, ни экипажа, сытаго кучера и лошадей, ни магазиновъ, театровъ, собраний. Я не могъ не видѣть рядомъ съ этимъ голодныхъ, холодныхъ и униженныхъ жителей Ляинскаго дома. И не могъ отбѣлаться отъ мысли, что эти двѣ вещи связаны, что одно происходитъ отъ другого. Помню, что какъ мнѣ казалось въ первую минуту это чувство моею вповности, такъ оно и осталось во мнѣ, но къ этому чувству очень скоро подмѣшалось другое и застѣняло его. Когда я говорилъ про свое впечатлѣніе Ляинскаго дома моимъ близкимъ друзьямъ и знакомымъ, все мнѣ отвѣчали то же, что и мой первый пріятель, съ которымъ я сталъ кричать, но, кромѣ того, выражали еще одобреніе моею добротою и чувствительности и давали мнѣ понимать, что арбілице это такъ особенно подѣйствовало на меня только потому, что я, Левъ Николаевичъ, очень добръ и хорошъ. И я охотно поверить этому. И не успѣлъ я оглянуться, какъ, вмѣсто чувства упрека и раскаянія, которое я испытывалъ сначала, во мнѣ уже было чувство довольства передъ своею добродѣтелью и желаніе выказать ее людямъ.

Замѣчательно, что Л. Н., когда онъ устыдился на минуту въ правотѣ своей „сердющейся“ правды, все же „въ глубинѣ души чувствовалъ, что правъ“ онъ, именно этою виновностью своею правъ. Не искушаясь видимымъ господствомъ зла и всею силою души отдаваясь невидимому добру, Л. Н. не заподозрѣлъ до конца это видимое „свое“ добро, не застыдился до конца самой своей совѣсти, а между тѣмъ здѣсь, въ этихъ своихъ настроеніяхъ, онъ особенно былъ близокъ къ соблазну добра ¹⁾, искушался его видомъ, находился, какъ

¹⁾ О которомъ въ отношеніи Толстого уже приходилось мнѣ говорить въ статьѣ „Около чуда“. (Второй Сборникъ назва „Путь“. „О религіи Льва Толстого“, стр. 207—210.)

говорится на языкѣ писателей Церкви, въ прелести. Потомъ, когда острота впечатлѣнія ужасовъ Ляпинскаго дома зажила, обросла шерсткой житейскости, обыденности, когда рана зарубцевалась обидной властью времени, онъ подпалъ, какъ и всѣ мы, грѣху зла, грѣху „окаменѣннаго нечувствія“, недочувствія... Но сколь же меньше этотъ видимый, осязаемый простой грѣхъ человѣчьей слабости, грѣхъ — забвепія, чѣмъ тотъ другой, не столь осязаемый, однако отравляющій тонкимъ ядомъ гордыни искушающей совѣсти, гордой силы добра, страшный своей обманчивостью правоты. Не ставъ „блаженнымъ“ Л. Н. остунился и ставъ „благимъ“, закричалъ благимъ матомъ, и С. Ан. прибѣжала изъ другой комнаты.

Какъ всегда чуткій къ самопротиворѣчьямъ и неугомонный въ самобичеваніи, Толстой минутами какъ-бы сознаетъ это. Когда ради своей благотворительной дѣятельности около переписи „онъ блуждалъ по Рязановскому дому“, стыдящійся себя и съ раздвоившейся, расколовшейся душою, усталый и измученный, уже безъ вѣры въ правоту своего дѣла, ему пришлось пережить такое впечатлѣніе, во время той же переписи.

„Студентъ ¹⁾ прошелъ въ каморку хозяина, а я оставившись во входной каморкѣ и разспросилъ старика и женщину. Старикъ былъ мастеровой, печатникъ, теперь не имѣетъ средствъ къ жизни. Женщина—жена повара. Я прошелъ въ третью каморку и спросилъ у женщины въ блузѣ про спящаго человѣка. Она сказала, что это гость. Я спросилъ женщину—кто она? Она сказала, что московская крестьянка. „Чѣмъ занимаетесь?“ Она засмѣялась, не отвѣчая мнѣ. „Чѣмъ кормитесь?“—повторилъ я, думая, что она не поняла вопроса. „Въ трактиръ сажу“—сказала она. Я не понялъ и вновь спросилъ: „чѣмъ вы живете?“ Она не отвѣчала и смѣялась. Изъ четвертой каморки, въ которой мы еще не были, тоже смѣялись жейскіе голоса. Мѣщанинъ хозяинъ вышелъ изъ своей каморки и подошелъ къ намъ. Онъ, очевидно, слышалъ мои вопросы и отвѣты женщины. Онъ строго посмотрѣлъ на женщину и обратился ко мнѣ: „проститутка“, сказалъ онъ, очевидно, довольный тѣмъ, что онъ знаетъ это слово, употребляемое въ правительственномъ языкѣ, и правильно произносить его. И, сказавъ это, съ чуть замѣтной почтительной улыбкой удовольствія, обращенной ко мнѣ, онъ обратился къ женщинѣ. И какъ только онъ обратился къ ней, такъ все лицо его измѣнилось. Особенной презрительной скороговоркой, какъ говорятъ съ собакой, не глядя на нее, онъ сказалъ ей:

¹⁾ Сотрудникъ А. Н. Толстого по переписи.

— Что болтать зря: „въ трактиръ сажу?“ Въ трактиръ сядишь, значить, и говоря дѣло, проститутка,—еще разъ повторилъ онъ это слово.—Себѣ имени не знаетъ тоже...

Тонъ этотъ оскорбилъ меня. „Намъ ее срамить не приходится, — сказала я.—Кабы мы всѣ по-божьи жили, и ихъ бы не было“.

— Да, ужъ это такое дѣло,—сказать хозяинъ, неестественно улыбаясь.

— Такъ намъ ихъ не укорить, а жалѣть надо. Развѣ онъ виноваты?

Не помню, какъ я именно сказалъ, но помню, что меня возмутилъ прерывательный тонъ этого молодого хозяина квартиры, полной жеплинами, которыхъ онъ называлъ проститутками, и мнѣ жалко стало этой женщины, и я выразилъ и то, и другое. Только что я сказалъ это, какъ изъ той каморки, изъ которой слышался смѣхъ, закричали доски кроватей, и надъ перегородкой, не доходившей до потолка, поднялась одна спутанная женская голова съ маленькими запухшими глазами и глянцево-краснымъ лицомъ, а вслѣдъ за ней другая и еще третья. Онѣ, видно, встали на свои кровати и всѣ три вытянули шеи и, сдерживая дыханіе, съ напряженнымъ вниманіемъ, молча смотрѣли на насъ.

Произошло смущенное молчаніе. Студентъ, улыбавшійся передъ этимъ, сталъ серьезенъ; хозяинъ смутился и опустилъ глаза. Женщины все не переводили дыханія, смотрѣли на меня и ждали. Я былъ смущенъ болѣе всѣхъ. Я никакъ не ожидалъ, чтобы случайно брошенное слово произвело такое дѣйствіе. Точно поле смерти Іезекиля, усыпанное мертвыми костями, дрогнуло отъ прикосновенія духа, и мертвые кости зашевелились. Я сказалъ необдуманно слово любви и сожалѣнія, и слово это подействовало на всѣхъ такъ, какъ будто всѣ только и ждали этого слова, чтобы перестать быть трунами и ожить. Они всѣ смотрѣли на меня и ждали, что будетъ дальше. Они ждали, чтобы я сказалъ тѣ слова и сдѣлалъ тѣ дѣла, отъ которыхъ бы кости эти стали сближаться, обростать плотью и оживляться. Но я чувствовать, что у меня нѣтъ такихъ словъ, нѣтъ такихъ дѣлъ, которыми бы я могъ продолжать начатое; я чувствовать въ глубинѣ души, что я солгалъ, что я самъ такой же, какъ они, что мнѣ дальше говорить нечего, и я сталъ записывать въ карточкѣ имена и званія лицъ въ этой квартирѣ“.

Тогда, въ этотъ моментъ еще смутнаго сознанія стыда за свое „хорошество“, за свою благу ю блаженность, Толстой не осозналъ до конца, что съ нимъ сдѣлалось: „Этотъ случай ввелъ меня въ повое заблужденіе, въ мысль о томъ, что можно помочь и этимъ несчастнымъ. Мнѣ тогда въ моемъ самообольщеніи казалось, что это очень легко. Я говорилъ себѣ: вотъ мы запишемъ и этихъ женщинъ и „послѣ“ мы (кто такіе эти мы, я не отдавалъ себѣ отчета), когда все запишемъ, займемся этимъ“ („Такъ что же намъ дѣлать“).

Но, вѣдь, позже-то Толстой ощутилъ же, какъ записалъ о томъ въ „Такъ что же намъ дѣлать“, что тутъ было что-то уже

совсѣмъ страшное для его посягательствъ; здѣсь онъ, добромъ искушенный, покусился гордымъ взмахомъ нечаяннаго добраго слова почти-что на чудо... Только чудо помощи Божіей могло сдѣлать то, чего ждалъ, чего хотѣлъ здѣсь Л. Н.

Только слово, ставшее тогда же, тутъ же плотью, могло—имѣть спасающую силу тамъ, гдѣ всякое другое слово безсильно, безсильно все только человѣческое, а онъ, гордый вѣрою въ самочинное, своеумное, своевольное добро отъ рукъ человѣческихъ, взмахнулъ своимъ „большими, сильными крыльями“, но крылья не выдержали и вотъ онъ бьется опять со сломанными крыльями, взмахнетъ сильно и... упадетъ.

Страшно это сказать, но нельзя не сказать,—хотя бы потому, что въ его большомъ грѣхѣ правдивости, непомѣрно увеличенные, до огромности выпуклые—наши маленькіе грѣхи. Безсильный объять зовомъ открывающейся правды своихъ близкихъ, жену, дѣтей, друзей,—Толстой идетъ къ „дальнимъ“, въ безбрежность необъятнаго міра, и тамъ (странно, что прежде всего тамъ) пытается спасти, помочь, очистить. И обезсиливается въ этихъ порывахъ видимо и ощутимо, какъ здѣсь, около своего и своихъ, невидимо и нестоль ощутимо безсиленъ до недвижимости, до гнѣвливости; оттого-то и обвиняетъ другихъ.

Въ опытѣ съ „перепиской“ Толстой почувствовалъ, что сознание правоты дѣла, которое онъ затѣялъ, блѣднѣетъ, слабѣетъ и какъ-то болѣзненно дребезжитъ отъ соприкосновенія съ своими близкими, передъ лицомъ своего будничнаго дня, своей обыденности, обыкновенности.

„Отдавъ въ печать статью, я прочелъ ее въ корректурѣ въ думѣ. Я прочелъ ее краснѣя до слезъ и заинаясь: такъ мнѣ было неловко. Такъ же неловко было, я видѣлъ, и всѣмъ слушателямъ. На вопросъ мой, по окончаніи чтенія, о томъ, принимаютъ ли руководители переписи мое предложеніе оставаться на своихъ мѣстахъ для того, чтобы быть посредниками между обществомъ и нуждающимися, произошло неловкое молчаніе. Потомъ два оратора сказали рѣчи. Рѣчи эти какъ бы поправили неловкость моего предложенія: выражено было мнѣ сочувствіе, но указано было на неприложимость моей всѣми одобряемой мысли. Всѣмъ стало легче. Но когда я потомъ, все-таки желая добиться своего, спрашивалъ у руководителей поровнь, согласны ли они при переписи изслѣдовать нужды бѣдныхъ и оставаться на своихъ мѣстахъ, чтобы служить посредниками между бѣдными и богатыми, имъ всѣмъ опять стало неловко. Какъ будто они взглядами говорили мнѣ: вѣдь вотъ смазали изъ ува-

женія къ тебѣ твою глупость, а ты опять лѣзешь съ нею? Такое было выраженіе ихъ лицъ, но на словахъ они сказали мнѣ, что согласны, и двое изъ нихъ, каждый порознь, какъ будто сговорились, одними и тѣми же словами сказали: „Мы считаемъ себя нравственно обязанными это сдѣлать“. То же самое впечатлѣніе произвело мое сообщеніе и на студентовъ—счетчиковъ, когда я имъ говорилъ о томъ, что мы во время переписи, кромѣ цѣлей переписи, будемъ преслѣдовать и цѣль благотворительности. Когда мы говорили про это, я замѣчалъ, что имъ совѣстно смотрѣть мнѣ въ глаза, какъ совѣстно *смотреть въ глаза доброму человеку, говорящему глупости*. Такое же впечатлѣніе произвела моя статья на редактора газеты, когда я отдалъ ему статью, *на моего сына, на мою жену, на самыхъ разнообразныхъ людей*. Всѣмъ почему-то становилось неловко“. „Вернувшись домой въ этотъ день, я легъ спать не только съ предчувствіемъ, что изъ моей мысли ничего не выдетъ, но со стыдомъ и сознаніемъ того, что *цѣлый этотъ день я дѣлалъ что-то очень гадкое и стыдное*. Но я не оставилъ этого дѣла. Во-первыхъ, дѣло было начато, и ложный стыдъ помѣшалъ бы мнѣ отказаться отъ него; во-вторыхъ, не только успѣхъ этого дѣла, но самое занятіе имъ давало мнѣ возможность продолжать жизнь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я жилъ; неуспѣхъ же подвергалъ меня необходимости отреченія отъ своей жизни и исканія новыхъ путей жизни“.

И дѣлая съ упрямствомъ дѣло, отъ сознанія неправдивой правоты котораго все время какъ-бы дребезжало что-то, саднило и томило его душу, Толстой не могъ довести его до конца и уѣхалъ въ Ясную Поляну, „раздраженный,—по его словамъ,—на другихъ, какъ это всегда бываетъ, за то, что самъ сдѣлалъ глупое и дурное дѣло“.

Позже, спустя три года послѣ этой попытки, когда снова и снова прозрѣвая, Толстой самъ изобличилъ себя и свое „добро“ въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать“, онъ подводитъ, между прочимъ, также краткій итогъ.

„Прежде чѣмъ дѣлать добро, мнѣ надо самому *стать внѣ зла, въ такія условія, въ которыхъ можно перестать дѣлать зло*. А то вся жизнь моя—зло“.

И далѣе: „Я дамъ 100 тысячъ и все не стану еще въ то положеніе, въ которомъ можно дѣлать добро, потому что у меня еще останется 500 тысячъ. Только, когда у меня ничего не будетъ, я буду въ состояніи сдѣлать хоть маленькое добро, хотя то, что сдѣлала проститутка, ухаживая три дня за больною и ея ребенкомъ. А мнѣ казалось это такъ мало! И я смѣлъ думать о добрѣ! То, что съ перваго раза казалось мнѣ, при видѣ голодныхъ и холодныхъ, у Ляпинскаго, дома, именно то, что я виноватъ въ этомъ и что такъ жить

какъ я жить, нельзя, нельзя и нельзя,—это одно была правда“. И спрашиваетъ: „Такъ что же дѣлать?“ И отвѣчаетъ по-своему, новой болью вымученному:—какъ и что *намъ* дѣлать, чтобы спастись. Отвѣтъ поражаетъ безмліемъ — успокоенія около пустого мѣста.

Большая и совсѣмъ голая правда Толстого, вѣчно новая, всегда *снова* рождающаяся и никогда не вырастающая въ мѣру возраста житейской правды обыденности, иногда не обрастающая грѣющей шерстью, сложной пушистостью этой изъ мига въ мигъ питающей живую жизнь старой правды. Правда озаряющихъ мгновений, правда полета на ломкихъ крыльяхъ приподнятыхъ настроений, правда зовущихъ далей, съ одной стороны, она такая робкая, незащитная. Безжалостно опрокидываютъ ее прикосновенія властныхъ силъ жизни; безотвѣтно изобличаетъ ее простая укоризна привычной обыденной жизни. Съ другой стороны,—она, самодержавно гордая своей правотой, грозно посягаетъ на чудо, на ту любовь, на то совершенство и добро, что не отъ рукъ человѣческихъ. „Желаніемъ чуднымъ“ полна, она томить, зазываетъ „добромъ“, соблазняетъ „преlestью“ блаженства „стать внѣ зла“—„стать внѣ этой жизни“—„стать богомъ“...—Это кричитъ здравый смыслъ, логика, все то рационалистически-человѣческое, за что такъ держался Толстой, изъ чего пробовалъ выжить чудо, выдѣлать шапку-невидимку, коверъ-самолетъ, волшебныя чары правды.

И не потому-же, конечно, нельзя своевластно „стать въ такія условія, при которыхъ можно перестать дѣлать зло“, что трудно, больно и всячески невозможно было въ то время Л. Н. разорвать съ женой, съ семьей и со всѣмъ тѣмъ, что въ житьѣ-бытьѣ его, въ быту, въ исторіи и культурѣ времени оказывалось продолженіемъ все тѣхъ же линий, утолщеніемъ ихъ. Разгадка тутъ въ чемъ-то другомъ, очень тонкомъ и сложномъ или ужъ очень простомъ и осязательно-грубомъ...

И вотъ въ ту пору, въ начальномъ узлѣ своей домашней драмы, а тѣмъ паче позднѣе, Толстой при всей упрямой прямотѣ своихъ дѣланій, при всѣхъ сѣтованіяхъ на помѣхи „со стороны“, отъ жены, семьи, быта, ощущалъ также и всю сложность извилистой линии своего поведенія, чтобы не сказать, какъ Адамъ Господу—Богу: „Жена которую Ты мнѣ

далъ, она дала мнѣ отъ дерева, и я ѣлъ“. Толстой скорѣе сказалъ-бы: „я самъ взялъ отъ дерева и самъ далъ ей, и мы ѣли, и всѣ ѣли и ѣдятъ, но я въ глубинѣ души правъ, я чувствую грѣхъ свой больше всѣхъ и не буду, не хочу ѣсть, и могу самъ такъ сдѣлать своей волею, не прибѣгая къ Божественному Спасителю и Искупителю, въ котораго я какъ въ Бога, не вѣрю, и самъ спасу себя и міръ своими усиліями и своимъ умомъ безъ всякой тайны и всякаго чуда, одною явлю своей человѣческой совѣсти, однимъ усиліемъ своей человѣческой воли, земною властью человѣческаго добра“.

„Самому стать внѣ зла“, „сильно вспорхнуть“, такъ сильно, чтобы улетѣть отъ себя, отъ всего „своего“, самому создать свою религію, написать свое евангеліе, взять свой крестъ, сказавъ самому себѣ „нынѣ отпускаешъ“, самому взять спасеніе себя въ свои руки, заняться самоосвященіемъ, самому все передѣлать въ Божьемъ мірѣ съизнова, „по новому и по своему“, по своевольно-хорошему, „самому одному жить, самому одному и умереть“—вотъ куда твердой поступью, оступаясь и поправляясь, но никогда не отчаяваясь и не сомнѣваясь въ послѣдней, конечной правотѣ „своего“, шель Толстой, и другихъ звалъ вмѣстѣ итти. И развѣ уже не застыдитесь онъ теперь въ ту или иную минуту передъ будничнымъ лицомъ жизни, передъ обыденностью, передъ правдою были и быванія, мудрою, но не мудрящею. Веѣмъ все время, по-разному, немного неловко за него, но онъ не дрогнетъ, не законфузится передъ этими взглядываніями, не застыдится ихъ, не засовѣстится и своей собственной совѣсти, не дастъ ей обратиться на самое себя. Жена и дѣти, друзья и знакомые, общество, Россія и весь міръ въ концѣ концовъ привыкли не совѣстясь смотрѣть „въ глаза доброму человѣку“, привыкъ и самъ „добрый человѣкъ“.

Но эти привычки новаго самоличнаго добра ужаснѣе привычекъ стараго безлико-жителейскаго зла. Здѣсь на новыхъ ранкахъ новой необычной жизни чаще возможны нагноенія, чѣмъ на старыхъ хроническихъ шрамахъ, почти родимчикахъ старой привычной жизни.

Начать хотя-бы съ опытовъ незауряднаго, необычнаго дѣланія добра, какъ самъ Толстой освѣтилъ ихъ въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать“.

„Если я иду по улицѣ, а онъ („бѣдный“), стоя на этой улицѣ, проситъ

у меня въ числѣ другихъ прохожихъ и проѣзжихъ три копѣйки, я даю ихъ ему, то я для него прохожій и добрый, хороший прохожій, такой, который даетъ ту нитку, изъ которой составляется рубашка голому; онъ больше нитки ничего не ждетъ, и если я даю ее, онъ искренно благословляетъ меня“. Эта обыденщина добра, обыкновенность его, бытовое доброе дѣланіе по взгляду простыхъ людей—вѣковая милостыня Христа ради, по взгляду культурныхъ людей—просто добрая вѣжливость, добро—приличіе. А вотъ первая, „совсѣмъ маленькая“ попытка дѣлать необычно—доброе, сотворить добро по-новому, по своему, за личную отвѣтственность... и сейчасъ рой напастей, выходить страшно, страшно, стыдно, смѣшно и дѣтски безпомощно... Сразу, какъ наказаніе за что-то, появляется выраженіе укоризны на строгомъ лицѣ старой жизни, всегда уступчивой, скупой на ласку и признаніе, недовѣрчивой къ порывамъ, къ полетамъ, къ хорошецамъ. Сразу на пути такого своеобразнаго добраго дѣланія появляется что-то опрокидывающее своеволие личныхъ добрыхъ порываній, изобличающее въ этомъ добрѣ нѣчто совсѣмъ недоброе, не простое, а непременно раздражающее, вызывающее, удивляющее, нѣчто душное, вымученное, дѣланное, ломкое, внутренне—хитрое и всячески—противное. И всегда, всегда *не то, не такъ*, какъ хотѣлось, какъ зародилось, какъ стремилось... „Но если я остановился съ нимъ (съ нищимъ), поговорилъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, показалъ ему, что я хочу быть больше, чѣмъ прохожій, если, какъ это часто случалось, онъ плакалъ, рассказывая мнѣ свое горе, то онъ видитъ во мнѣ уже не прохожаго, а то, что я хочу, чтобы онъ видѣлъ: добраго человѣка. Если же я добрый человѣкъ, то доброта моя не можетъ остановиться ни на двугривенномъ, ни на 10 руб., ни на 10 тысячахъ. *Нельзя быть немножко добрымъ человѣкомъ*. Положимъ я даю ему много, я оправилъ его, одѣлъ, поставилъ на ноги, такъ, что онъ могъ жить безъ чужой помощи; почему бы то ни было, по несчастью или по его слабости, порочности, у него опять нѣтъ и того пальто, и того бѣлья, и тѣхъ денегъ, которыя я далъ ему, онъ опять голоденъ и холоденъ, и онъ опять пришелъ ко мнѣ—почему я откажу ему? Вѣдь, если бы причина моей дѣятельности состояла въ томъ, чтобы достигнуть определенной матеріальной цѣли, дать ему столько-то рублей или такое-то пальто, я бы могъ, разъ давъ ихъ, успокоиться; но причина моей дѣятельности не эта, причина та, что я хочу быть добрымъ человѣкомъ, т. е. хочу видѣть себя въ каждомъ другомъ человѣкѣ. Всякій человѣкъ такъ, а не иначе понимаетъ доброту. И потому, если онъ 20 разъ проинялъ все, что вы ему дали, и онъ опять холоденъ и голоденъ; если вы добрый человѣкъ, вы не можете не дать ему еще, не можете никогда переставать давать ему, если у васъ больше, чѣмъ у него. А если вы пятитесь“...

Хорошо тутъ сказано: „*нельзя быть немножко добрымъ человекомъ*“ Но это и не совсѣмъ такъ, почему же нельзя быть немножко добрымъ? Но вотъ немножко *по-своему* добрымъ быть уже никакъ нельзя. Нельзя быть немножко оригинальнымъ, немножко радикальнымъ, немножко пророкомъ и апо-

столомъ. А сказать „немножко полетѣть“ совсѣмъ смѣшно и даже фальшиво. Вѣдь, это значить просто прыгнуть.

Вы стоите у отвѣснаго скалистаго обрыва надъ бурнымъ моремъ, бездна внизу—странно тянетъ васъ, бурное море властно манить, надъ вами синее небо и летаютъ смѣлыя, чуждыя, вольныя чайки. Какъ дивно-хорошо быть свободной чайкой, летать такъ, какъ онѣ,—надъ бушующемъ моремъ, отвѣсными скалами. И если подъ властью иллюзій „стать, какъ чайка“, вы попробуете немножко „полетѣть къ морю“, то, безъ помощи Божьяго чуда, конечно, упадете на скалы. Въ такомъ положеніи съ своей попыткой „стать внѣ зла жизни“, наконецъ, очутился Толстой у скалистаго обрыва старой жизни, старой правды. „Мы вольныя птицы-давай улетимъ“, говорить онъ С. А—ѣ и всѣмъ окружающимъ. Не умѣемъ, не можемъ,—отъ слабости человѣческой голова кружится, грѣшны!.. слышатся за нимъ голоса, сначала удивленные, смущенные, потомъ испуганные, наконецъ, разсерженные, возмущенные, обиженные. „Голова кружится“—это, вѣдь, и волнуетъ Л. Н-ча, это и прельщаетъ его.

„Людямъ, находящимся на верхней ступени лѣстницы, ужасно трудно понять то, что отъ нихъ требуется. У нихъ голова кружится отъ вышины той лѣстницы лжи, на которой они находятся, когда имъ представляется то мѣсто на землѣ, до котораго они должны спуститься, чтобы начать жить не добро, но только не вполне безчеловѣчно; но и отъ этого эти простая и ясная истина кажется этимъ людямъ странной“ („Такъ что-же намъ дѣлать“). Л. Н. умѣлъ „прать противъ розна“, потому-что вѣрилъ „немножко“ въ *свое чудо отъ добра*, какъ въ „свою“ вѣру, „свое“ евангеліе—и т. п. И послѣ всяческихъ неудачныхъ прыжковъ у обрыва, все упрямѣе, настойчивѣе приближался къ обрыву; все неотвязнѣе *вымогалъ чудо изъ себя, изъ своей воли, своей мысли, своей жизни*. Онъ изъ всѣхъ своихъ человѣчески-могучихъ силъ—пытался „стать внѣ зла жизни“, *оставаясь живымъ смертнымъ* и грѣшнымъ, пытался „самъ одинъ“ и пыталъ жизнь.... Такъ что же намъ дѣлать? Стать внѣ зла жизни прыжкомъ въ пустоту. Божья милость не покидала Толстого, когда онъ обрывался и летѣлъ—падалъ, цѣпляясь за гордые камни скалы. Господь невидимо берегъ его, а онъ упрямо шель путемъ своего возстанія, бунта, протестующаго своеволія.

И дѣлалъ—*продѣлывалъ* все это такъ, что самыя великаньи паденія отъ великаньихъ же прыжковъ не были смѣшны,— и это ужъ очень много. Прыжки были страшны иногда, чаще чудачески-странны, порою замаячиво-красивы, даже благообразны, нерѣдко раздражающе-упрямы, вызывающе-дерзки, кощунственно-грубы. Вблизи, вплоть около него, многое, конечно, совсѣмъ по-иному выходило, по другому открывалось, какъ-бы *истлѣвало* въ семьѣ, въ будничности, въ интимной жизни, движущейся изъ дня въ *день*, изъ часа въ часъ, изъ минуты въ минуту, а внутри ея изъ секунды въ секунду, изъ мига въ мигъ.... И думаю, не одинъ изъ самыхъ *замордованныхъ* поклоненіемъ и восхваленіемъ журнально-газетный трубачъ не вѣрить, что у Л. Н.—не было будень. Въ легендѣ, въ „житіи“, въ вѣнчаніи славы, во всѣхъ этихъ снимкахъ со сцены жизни Толстого, которыми полны біографіи, глѣна будень—нѣтъ. А въ подлинномъ житьѣ-бытьѣ они были, *и очень были*. И улавливая какъ-бы самый *центральный* нервъ, нервъ нервовъ, разгадку силы - слабости этого современнаго богатыря, хочется прощупать именно здѣсь, въ безконечно-малыхъ капелькахъ жизни души, невидимую, незамѣченную, неотмѣченную тайну убѣгающихъ миговъ, ту точку, гдѣ вершина, спускаясь, переходитъ въ долину. Вотъ какъ рассказываетъ Толстой о своемъ первомъ посѣщеніи того *Ржановскаго дома, который онъ* выбралъ для своихъ благотворительныхъ дѣлъ.

„Какъ только я вошелъ во дворъ, я почувствовалъ отвратительную вонь. Дворъ былъ ужасно грязный. Я повернулъ за уголъ и въ ту же минуту услышалъ налѣво отъ меня, наверху, на деревянной галлерей топотъ шаговъ бѣгущихъ людей, сначала по доскамъ галлерей, а потомъ по ступенямъ лѣстницы. Прежде выбѣжала худая женщина съ засученными рукавами, въ слинявшемъ розовомъ платѣ и ботинкахъ на босу ногу. Вслѣдъ за ней выбѣжалъ лохматый мужчина въ красной рубахѣ и очень широкихъ, какъ юбка, порткахъ, въ калошахъ. Мужчина подъ лѣстницей схватилъ женщину: „не уйдешь“—проговорилъ онъ, смѣясь. „Вишь косоглавый чертъ“, начала женщина, очевидно польщенная этимъ преслѣдованіемъ, но увидѣла меня и злобно крикнула: „кого надо?“ Такъ какъ мнѣ никого не надо было, я смутился и ушелъ. Удивительнаго тутъ ничего не было: по случай этотъ вдругъ съ совершенно новой стороны показалъ мнѣ то дѣло, которое я затѣвалъ. А затѣвалъ я облагодѣлательствовать этихъ людей съ помощью московскихъ богачей. Я понялъ тутъ въ первый разъ, что у всѣхъ несчастныхъ, которымъ я хотѣлъ благодѣлательствовать, кромѣ того времени, когда они, страдая отъ голода и холода, ждуть впуска въ домъ, есть еще время, которое они на что-нибудь

да употребляютъ, есть еще 24 часа каждыя сутки, есть еще цѣлая жизнь, о которой я прежде не думалъ. Я понялъ здѣсь въ первый разъ, что все эти люди, кромѣ желанія укрыться отъ холода и насытиться, должны еще жить какъ-нибудь тѣ 24 часа каждыя сутки, которыя имъ приходится прожить такъ же, какъ и всякимъ другимъ. Я понялъ, что люди эти должны и сердиться, и скучать, и храбриться, и тосковать, и веселиться“.

24 часа въ сутки у голодныхъ-холодныхъ—это, вправду, большое, большое осложненіе на пути идущаго къ нимъ помочь добраго, чуткаго человѣка. Здѣсь, отъ простого накопленія количества, вырастаетъ нѣчто сложное, качественное. Тайна здѣсь въ томъ, что и у нихъ день 24 часа, 1440 минутъ, а сколько маленькихъ секундъ, маленькихъ, капельныхъ мгновенійца времени *жизни*, а слѣдовательно, и движеній души, настроеній, состояній, мыслей, чувствъ, вообще человѣческихъ монадъ... Тутъ бездна въ малостяхъ жизни, въ безконечной дѣлимости ея атомовъ; дѣлятся, дробятся, мелькаютъ, мелькаютъ живыя частицы души во времени и уходятъ въ безбрежную даль, въ неизслѣдимую глубь; уходятъ, приходятъ отсюда,—„откуда-то“,—принося съ собою чью-то волю, чьи-то велѣнія, ничтожно малыя, но страшно сильныя, у каждой по невидимой крошечкѣ своего соку жизни, своей сладости и яду, и все вмѣстѣ страшно что дѣлаютъ, жизнь живой *дѣлаютъ*, а вотъ сдѣлай все это своими руками, сотвори человѣческой волей, заговори гордымъ словомъ своимъ: „да будетъ“.

Въ собственной жизни, жизни будничной проповѣдника-подвижника 24 часа=1440 минутъ, а движеніе души еще подвижнѣе колебанія маятника, несравненно быстрѣе, смѣна пестрыхъ узоровъ душевнаго опыленія куда-же прихотливѣе. Такой-то вотъ всего менѣе защищенъ отъ бѣсовъ, прячущихся въ воздушныхъ пылинкахъ, едва видимыхъ глазу—малыхъ невидныхъ паутинкахъ. И эти 1440 минутъ и N-ое число миговъ каждаго дня въ мѣсяцѣ и году надо изжить своевольному подвижнику только *своею* силою и только *своею* волею, изжить (подумайте!) *по-своему*, по небывалому, по своему-хорошему и неустанно, поминутно, ежесекундно творить себя и свое, отвѣчать самому за себя, устроиться такъ, чтобы обезвредить себя отъ ихъ страшной власти, обезопасить, отвоеваться отъ нихъ, словомъ сдѣлать такъ, чтобы въ каждую частицу житья-бытья своего (а ихъ сколько) „стать внѣ зла“, въ такія условія, въ которыхъ можно перестать

дѣлать зло... Да, вѣдь, такъ поставленная задача—задача боговъ, изживать такъ жизнь, значить освятиться, *обожиться*, въ ангела обратиться. Были такіе, что сподобились и даже въ міру. Невозможное человѣку—возможно Богу. Но Толстой же *самъ одинъ*, въ разрывѣ съ исторіей, съ вѣрой отцевъ, съ Церковью, пытался прямо голыми руками сотворить вмѣстѣ со „своимъ“ евангеліемъ *свою религію—вѣру*, вмѣстѣ со „своимъ“ добромъ также и *свою жизнь*, вмѣстѣ со своей любовью также и „своего Бога“... Вымогая, испытываль, покушался... разрушить храмъ и въ три дня создать, кассироваль дѣло Спасителя и Творца... Вотъ почему нельзя немножко... немножко полетѣть. Можно, пожалуй, выкачать воздухъ изъ жилища, но... чѣмъ сопротивляться давленію извнѣ. А въ началѣ пути, у начала казалось, что только упалъ нечаянно волосъ съ головы безъ воли Божьей... и человѣкъ, остро осознавъ неправду жизни, съ силой захотѣлъ искать правду, добро дѣлать.

Въ исходной точкѣ разрыва *семейнаго* разлада, помните, были только рождающія досаду жены *свои* „упоминанія о Богѣ“, немножко своего о религіи, немножечко своего о добрѣ, о правдѣ, о людяхъ, минутами щемяще остро, жгучею болью мучила совѣсть и пошла сама одна добиваться своего. Достоевскій какъ-то записаль наскоро въ записной книжкѣ кратко и жестко: „совѣсть безъ Бога есть ужасъ, она можетъ заблудиться до самаго безнравственнаго“. И много-много потомъ словами, образами, символами твердилъ объ этомъ и о Церкви. Толстой, запнувшійся (см. Исповѣдь) въ своемъ подхожденіи къ Церкви, за непонятность Херувимской и ненужность молитвъ о Царѣ, этого-бы никогда не понималъ, не слышалъ, не разслышалъ у Достоевскаго.

Но вернемся къ семейному разладу Л. Н., къ тому какъ странно волею своею падали волоски съ головы и росли ссоры съ старой жизнью, съ близкими, съ своимъ пережитымъ, прошлымъ, изжитымъ. Совсѣмъ ли изжитымъ? Страшно въ пустотѣ строиться, въ безвоздушномъ пространствѣ устраиваться, каждую-то, каждую минуту изъ 1440 въ день, да еще съ семьей, да еще съ бытомъ и какимъ роскошнымъ бытомъ, да еще съ тѣмъ богатѣйшимъ душевнымъ полнокровіемъ, которое такъ характерно для Толстого, со многообразіемъ всяческихъ связей съ міромъ въ безконечныхъ

проявленіяхъ жизни. Все это никакъ не хочетъ залѣзать подъ безвоздушный колпакъ новой вѣры. Тѣмъ болѣе что тамъ еще ничего нѣтъ новаго, положительнаго, кровно питательнаго, кромѣ одного только отрицанія стараго... Тамъ душно, страшно, пусто. С. А. понимаетъ, что онъ, Л. Н., гордый и сильный, по своему не можетъ иначе, но она, здѣшняя, не можетъ-же. „Я все читаю твою статью или, лучше, твое сочиненіе. Конечно, ничего нельзя сказать противъ того, что хорошо быть совершенными и непременно надо напоминать людямъ, какъ надо быть совершенными и какими путями достигнуть этого. Но все-таки не могу не сказать, что трудно отбросить всѣ игрушки въ жизни, которыми играешь, и всякій, и я больше другихъ, держу эти игрушки крѣпко и радуюсь, какъ онѣ блестятъ и шумятъ и забавляютъ“ (письмо отъ 27 іюня 1883 г.). Вотъ еще болѣе простое, женское, наивно-довѣряющее, самоумаляющеея. женино: „Левочка—пишетъ гр. С. А. своей сестрѣ 30-го января 1883 г.—очень спокоенъ, работаетъ, шипитъ какія-то статьи, иногда прорываются у него рѣчи противъ городской и вообще барской жизни. Мнѣ это больно бываетъ: но я знаю, что онъ иначе не можетъ. Онъ человѣкъ передовой, идетъ впереди толпы и указываетъ путь, по которому должны итти люди. А я, толпа, живу съ теченіемъ толпы, вмѣстѣ съ толпой вижу свѣтъ фонаря, который несетъ всякій передовой человѣкъ и Левочка, конечно, тоже, и признаю, что это свѣтъ. Но не могу итти скорѣе, меня давить и толпа, и среда, и мои привычки“.

Это она говорить, но многого не говорить, не можетъ выговорить, не подозрѣваетъ, что значить то страшное, когда волосокъ падаетъ своею волею съ головы, не подозрѣваетъ, какая мудрая тайна въ томъ, что часъ жизни имѣетъ 3600 секундъ, не выговориваетъ, не умѣетъ сказать, что жить своей самодѣльной религіей ей любящей, доброй, религіозной русской женщинѣ, хозяйкѣ, женѣ, матери, бабушкѣ. изжившей $\frac{3}{4}$ своей жизни, нельзя—безъ смѣшныхъ, неблагообразныхъ припрыгиваній за нимъ, безъ тоски и фальши самопоѣдающихъ противорѣчій. Ну, у него, Л. Н., свои усилія. своя тревога, своя тоска:—мужская, отъединяющая его отъ нея, отъ семьи, отъ быта и всего прежняго, зародившаяся въ одинокости, въ отрывѣ, съ того времени какъ онъ сталъ

въ семьѣ, съ своими—самъ одинъ, все равно у себя-ли въ кабинетъ, на волгѣ, въ деревнѣ, на улицѣ, въ поѣздахъ и встрѣчахъ. У нея—дѣтская, столовая, хозяйство, пестрота и плоть жизни, и какъ могла бы она быть не собой, если она не своя, а жизненная, живая—житейская, перазрывно сросшаяся съ душой людей, съ душой вещей вокругъ себя. Онъ свой собственный, она—не собственная, божья, земляная. Она вся въ жизни, въ ежеминутныхъ долгахъ, и только успѣвай расплачиваться, дѣлать такъ, чтобы не быть виновной въ несдѣланномъ, а онъ ищетъ долга по-мужски, уясняетъ вину внѣ житейскихъ дѣйствій, онъ не „въ жизни“, а „о жизни“. У нея думы—заботы, у него немножко выдуманья, у нея—быть, у него—событія, у нея—бываніе, то что есть, что было и будетъ, можетъ быть, у него то, чего не было, не бываетъ, но должно, хочетъ быть, у нея—обыденщина, у него—небывальщина, у нея—старое, будничное и сѣрое, у него—цвѣтное, праздничное, у нея—быль, у него—небыль, не быль, да и не сказка. Въ ея жизни есть хозяйинъ, требовательный, Л. Н. самъ хозяйничаетъ волею своею. У нея все въ жизни дано, предуказано, она на послушаніи, покорствуется волгѣ хозяина жизни, смиренная, кроткая; у него все задано, все добывается, вымогается, все—*свое*: своя религія, свое евангеліе, свое добро, свое спасеніе, главное же—своя воля, свой мужской, непосѣдливый, испытующій, вопрошающій умъ и все это немножко какъ-бы несамоудѣлившее, невзаправдавшее, необжившееся, невоплотившееся,—одинокое мужское, даже не мужнее, не семейное, а душевно-бродячее, и въ смыслѣ сердечнаго обихода—„изъ дому, а не въ домъ“ тянеть онъ, въ поле, въ лѣсъ, въ пустоту одинокости, въ заманчивое ничто, въ упоеніе умаленіемъ, въ сладость изничтоженія... А она вся дѣлающая, заботливая, созидающ и покорилась „суетѣ не добровольно, но по волгѣ покорившаго ее“. И не могла же она „*такая какая есть*“, какая ни на есть, взять да жить всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ живетъ. Л. Н. самъ, одинъ, а ей одной, *собой* никакъ нельзя быть, не своя она—раба Господня. Уступить, „по его“ дѣлать—значило бы для нея ничего не сдѣлать, оболгать себя и свое. Вотъ „интеллигентка“ могла бы, сухенькая „истеричка“ могла бы, а С. А., влажная отъ соковъ жизни, *этого* не могла, не смогла. На ней, какъ вѣтви и листья на развѣсистомъ деревѣ, выро-

стають зовущіе побѣги жизни, живая отвѣтственность, тревога за нихъ каждый мигъ жизни; она—женщина, жена, мать, бабушка и корни ея глубоко въ почвѣ, въ плоти жизни. въ рожденіи и рощеніи жизни, онъ—мужъ, мужчина, его мѣръ беспочвеннѣе, бесплоднѣе, бозотвѣтственнѣе. Бросаетъ сѣмена, а надо ихъ растить, сѣмени нужна влага, питаніе изъ почвы, п+1 заботъ, тревогъ и вотъ образуется вокругъ узловатый клубокъ извиистой землистости, любовной мгlistости, житейской паутины. Онъ къ одному своему внимателенъ, она ко всякому многому, онъ монитъ, она плюралистка. его религиозно-духовный мѣръ въ безкровномъ идеализмѣ. она въ конкретномъ реализмѣ.

И вотъ Л. Н. сталъ самъ по себѣ, а С. А.? Пусть и она сама по себѣ, какъ знаетъ... Сиротство въ любви у обоихъ, оба не могутъ „такъ“, оба не понимаютъ отчего „такъ“. Гнѣвные жалобы съ обоихъ сторонъ—оба остались одни. Разошлись, устраниваясь сначала жить въ одиночку, наконецъ, и умирать врозь. Отходить Л. Н. и... одумывается: оглядываясь на себя и свое, видитъ порою, что не все тамъ *то*, что многое „не то, не то“. Порою оглядываясь на себя, какъ бы на мигъ застыдится самой этой совѣсти своей, требовательной и царственно-непослушной, индивидуалистически-капризной, барственно-упрямой. Задумается, откроетъ душу примиренію, смиренному обвиненію себя и прощенію ея, подойдетъ къ старому и совѣмъ по-новому все оговорить, обличить, какъ въ „Переписи“, въ статьѣ „Такъ что же намъ дѣлать?“ какъ ранее—позднимъ. Не сживаясь съ новымъ, мучаясь, изнемогая, опять назадъ обернется съ любовнымъ примиреніемъ, съ чуткимъ послушаніемъ старому, своему, родному, подойдетъ къ ней, С. А., посмотритъ въ глаза глубоко-глубоко и увидитъ все „насквозь съ любовью“, пойметъ такъ, что устыдится, наконецъ, чего-то, прощенія, примиренія запроситъ. Потомъ снова и снова уходитъ-приходить, чтобы уйти, пока совѣмъ не уйдетъ, „правый“, отъ „нея“, отъ „нихъ“, безправедныхъ, ограбленныхъ его правдоискательствомъ, отуманенныхъ его свѣтомъ...

Линія отношеній извивается долго и больно, не уловить ея извивовъ, но вотъ свѣтотѣни ихъ изъ писемъ того же 1881 г. Л. Н. живетъ въ Самарской губ., разладъ и исканія, кумысь и встрѣчи, В. И. Сютяевъ, А. С. Пругавинъ („инте-

ресный и степенный человекъ“), молокане, о нихъ записано: „я читалъ свое—горячо слушали“ (Толкованіе VI главы о чудѣ хананеянки), старецъ-пустынникъ—„записалъ его исторію“ и т. д. записаное въ дневникѣ. А женѣ пишетъ отъ 24 августа: „Ты не повѣришь, какъ меня мучаетъ мысль о томъ, что ты черезъ силу работаешь, и раскаяніе въ томъ, что я мало (вовсе) не помогалъ тебѣ. Вотъ уже на это кумысь былъ хорошъ, чтобы заставить меня спуститься съ той точки зрѣнія, съ которой я невольно, увлеченный своимъ дѣломъ, смотрѣлъ на все. Я теперь иначе смотрю. Я все то же думаю и чувствую, но я излѣчился отъ заблужденія, что другіе люди могутъ и должны смотрѣть на все, какъ я. Я много передъ тобой былъ виноватъ, душенька, безсознательно, невольно виноватъ, ты знаешь это, но виноватъ. Оправданіе мое въ томъ, что для того, чтобы работать съ такимъ напряженіемъ, съ какимъ я работалъ, и сдѣлалъ что-нибудь, нужно забыть все. И я слишкомъ забывалъ о тебѣ и каюсь. Ради Бога и любви нашей какъ можно береги себя. Откладывай больше до моего пріѣзда, я все сдѣлаю съ радостью и сдѣлаю недурно, потому что буду стараться“. И еще отъ 6-го августа: „Хозяева наши такъ же неусыпно и естественно добры. Сейчасъ (утро) вошла Лиза ¹⁾. „Что ты?“— „А, вы тутъ? А я хотѣла подмести, убрать“. А у нихъ еще и нянька ушла, бросила ихъ, и одна кухарка на всѣ дѣла. Что ты пишешь въ одномъ письмѣ, что мнѣ вѣрно такъ хорошо въ этой средѣ, что о домѣ и своемъ бытѣ я буду думать съ неудовольствіемъ. Это какъ разъ наоборотъ. Все больше и лучше думаю о васъ. Ничто не можетъ доказать яснѣе невозможность жизни по идеалу, какъ жизнь Бибикова съ семьей и Василія Ивановича. Люди они прекрасные и всѣми силами, всей энергіей стремятся къ самой лучшей, справедливой жизни, а жизнь и семья стремятся въ свою сторону, и выходитъ среднее. Со стороны мнѣ видно, какъ это среднее хотя и хорошо, какъ далеко отъ ихъ цѣли. То же переносишь на себя и поучаешься довольствоваться среднимъ. То же среднее въ молоканствѣ, то же среднее въ народной жизни, особенно здѣсь. Только бы Богъ донесъ насъ благополучно ко всѣмъ вамъ благополучнымъ, и ты увидишь,

¹⁾ Дочь Сятаева.

какой я въ твоёмъ смыслѣ стану пайныка“. Значить — „новый, новый человекъ“, излѣчился отъ заблужденія, что „другіе могутъ и должны смотрѣть на все какъ я“. Онъ уже не думаетъ о домѣ, о своемъ бытѣ „съ неудовольствіемъ“, видить, что вездѣ выходитъ „среднее“, только то, что бываетъ и быть можетъ. Почти раскрываетъ фикцію соблазняющую его совѣсть мечтой о иной, новой, спасающей правдѣ „тѣхъ“, „простыхъ людей“. Ледъ таетъ—наплываетъ примиреніе, пониманіе, смиряющаяся правдивость. Такое же пишетъ въ 1882 г., когда уѣхалъ послѣ „переписи“ въ Ясную Поляну. „Не тревожься обо мнѣ и, главное, себя не вини. „Остави намъ долги наша, якоже и мы“. Какъ только другихъ простилъ, то и самъ правъ. А ты по письму простила и ни на кого не сердись. А я давно уже пересталъ тебя упрекать. Это было только въ началѣ. Отчего я такъ опустился, я самъ не знаю. Можетъ быть, года, можетъ быть, нездоровье... но жаловаться мнѣ не на что. Московская жизнь мнѣ очень много дала, уяснила мнѣ мою дѣятельность, если еще она предстоитъ мнѣ, и сблизила насъ съ тобой больше, чѣмъ прежде... Я нынче думалъ о большихъ дѣтяхъ. Вѣдь они вѣрно думаютъ, что такіе родители, какъ мы, это не совсѣмъ хорошо, а надо бы много лучше, и что когда они будутъ большіе, то будетъ много лучше. Такъ же какъ имъ кажется, что блинчики съ вареньемъ это уже самое скромное и не можетъ быть хуже, а не знаютъ, что блинчики съ вареньемъ это все равно, что 200.000 выиграть. И потому совершенно невѣрное разсужденіе; что хорошей матери должны бы меньше грубить, чѣмъ дурной. Грубить желаніе одинаково—хорошей и дурной; а хорошей грубить безопаснѣе, чѣмъ дурной, потому ей чаще и грубятъ. ...Боюсь я, какъ бы мы съ тобой не перемѣнились ролями: я пріѣду здоровый, оживленный, а ты будешь мрачна, опустишься. Ты говоришь: я тебя люблю, а тебѣ этого теперь не надо.—Только этого и надо. И ничто такъ не можетъ оживить меня. и письма твои оживили меня. Печень печенью, а душевная жизнь своимъ порядкомъ. Мое уединеніе мнѣ очень нужно было и освѣжило меня, и твоя любовь ко мнѣ больше всего радуешь въ жизни“.

Отъ этого все такъ хорошо, что немножко конфузно читать, совѣстно печатать, но... это не все, не точка... Напи-

сана уже Исповѣдь, Евангеліе, пишется „Въ чемъ моя вѣра“, „Такъ, что же намъ дѣлать“ и т. п. Ставится и обостряются порою до рѣзущаго острія вопросы о вѣрѣ, объ имуществѣ, о томъ, какъ быть со всѣмъ этимъ. Отъ 3-го марта 1882 г. С. А. пишетъ мужу: „Первое, самое унылое и грустное, когда я проснулась, было твое письмо. Все хуже и хуже. Я начинаю думать, что если счастливый человѣкъ вдругъ увидѣлъ въ жизни только все ужасное, а на хорошее закрылъ глаза, то это отъ нездоровья. Тебѣ бы полѣчиться надо. Я говорю это безъ всякой задней мысли, мнѣ кажется это ясно, мнѣ тебя ужасно жаль, и если бы ты безъ досады обдумалъ и мои слова и свое положеніе, ты, можетъ быть, нашелъ бы исходъ. Это тоскливое состояніе уже прежде было давно: ты говоришь: отъ безвѣрія повѣситься хотѣлъ? А теперь? Вѣдь ты не безъ вѣры живешь, отчего же ты несчастливъ? И развѣ ты прежде не зналъ, что есть голодные, больные, несчастные и злые люди? Посмотри получше: есть и веселые и здоровые, счастливые и добрые. Хоть бы Богъ тебѣ помогъ, а я что же могу сдѣлать“. А теперь? „Вѣдь ты не безъ вѣры живешь?“ Отчего же ты... такой какой есть, не новый, совсѣмъ не новый человѣкъ. Это вопросъ удивленія—изблизни, отъ своихъ, не упрекающей, а скорѣе тоскующій голосъ безсильной помочь любви, быть можетъ, все же немножко ненужной любви, не той, не такой, какой ему надо. Живые люди любятъ *чѣмъ-нибудь*, вѣдь, въ пустотѣ отрицаній нечѣмъ любить, какъ и негдѣ жить. „А клейкіе листочки? А дорогія могилы, а голубое небо, а любимая женщина. Какъ же жить-то будешь, чѣмъ ты любить-то ихъ будешь“, спрашиваетъ у Достоевскаго Алеша Карамазовъ брата Ивана, затрепетавъ въ испугѣ отъ его исповѣди, обнаружившей, что нечѣмъ Ивану жить—нечѣмъ любить.

С. А. любитъ своимъ земнымъ существомъ, любитъ „игрушками жизни“, которыми не можетъ перестать играть, а въ глубинѣ души какъ-то чувствуется, что Господь Богъ послалъ ихъ, создалъ ее такую для такой жизни, положивъ предѣлъ, его же не прейдеши... Л. Н. пробуетъ любить се тѣмъ, отъ чего ему самому все „хуже и хуже“, любитъ тѣмъ, чего не имѣетъ, а только добивается, и въ любви этой боль адская боль о томъ, „что нельзя уже болѣе любить“. А Л. Н. такъ любитъ любить, такъ знаетъ сладость добра и его ласку,

такъ чудовымогательски напрягается одолѣть зло, что, казалось бы, откуда же боль безсилія любить. Но въ „добрѣ“ своемъ онъ именно... *любитъ любитъ*, кого—это второе. Его любовь „глубокая какъ море“... имѣеть какое-то вѣдличное направленіе. Она во всемъ и вся, но ни въ чемъ особенная и особенно, не знаетъ она единственности, исключительности, незабвенности, невозвратимости, неповторяемости.

Но оттого, что онъ слишкомъ самъ по себѣ, одинъ и свой собственный,—такъ трудно, такими усилиями дается это самое простое и самое глубокое, то, что всегда подлѣ и чѣмъ всего труднѣе овладѣть. Чудо любви онъ бралъ на разумъ, на трезвый упрямый свой умъ, и здѣсь охладѣвалъ до смертельнаго холода, до стекляннаго покрова, отдѣляющаго все и всѣхъ вокругъ. Давилъ на стекло всею силою толстовской мощи, а изъ-за стекла волшебными силами искупающаго добра показывалось пламя зовущаго огня правды и любви, но не жгло, а холодило изъ-за стекла, пламени же никакъ не удавалось коснуться. Хлѣбъ питающій въ камни превращался... Л. Н. очень зналъ и слишкомъ понималъ такіа холодныя волны. Уже о послѣднихъ дняхъ его В. Булгаковымъ записано нѣсколько паивно, но мило паивно: „удивительно мѣняется Л. Н. по состоянію здоровья: если онъ боленъ, онъ — угрюмъ, неразговорчивъ и пишеть въ дневникъ, что даже борется въ такіа минуты съ „недобротой“, хотя никогда я не видалъ у него ея проявленій“. Рашше видывали и „проявленія“, но боль вопроса не въ нихъ. Эти маленькіа искушеньица, умѣщающіяся въ капелькѣ одной изъ „случайныхъ“ минутъ безчисленныхъ дней жизни, потрясающе большихъ видимыхъ препятствій, всего того, что рукою, глазомъ, мыслью такъ легко и просто устранить, это же, какъ ядовитая моль, забирается въ невидимыя складочки души и, какъ моль, изъѣдаетъ, испепеляетъ рукотворный храмъ на пути всякой новой жизни, новой любви и правды. Тлѣнное вытягиваетъ длинную уродливую шею изъ-за спины самодѣльной правдивости, тлѣнное въ нетлѣніе не преобразится отъ рукъ человѣческихъ. Это простое всегдашнее человѣческое такъ убійственно для заданія Л. Н. „*стать внѣ зла жизни*“. Не безъ вѣры живешь, но самодѣльной вѣрою... „Хоть бы Богъ тебѣ помогъ, а я что же могу сдѣлать“, говорить С. А. и больше сказать и сдѣлать не въ человѣ-

ческихъ силахъ. Съ той поры, какъ волосокъ волею своей упалъ съ головы и Л. Н. не раскаялся, онъ сдѣлался до ужаса одинокимъ въ своемъ новомъ и жутко сиротливомъ, безпризорномъ житіи, это онъ-то: громадно большой и сильный, любящій любить и бессильный полюбить до конца, въ безсиліи держающій на чудо. И вотъ пошла мука вопросовъ о жизнеустройствѣ, суета изъ-за суеть міра сего, споры и ссоры изъ-за собственности, изъ-за излишка тепла въ гнѣздѣ.

Тутъ съ самаго начала нужно подчеркнуть, что дѣло не о простомъ человѣческомъ желаніи помочь чужому горю, чужой бѣдѣ и нуждѣ, когда все это близкое и живое дано непосредственному чувству, а о чемъ-то другомъ, неизмѣримо большемъ, и существенно, радикально отличномъ, даже, быть можетъ, противоположномъ этому простому дѣланью возможнаго добра, возможной помощи единичной бѣдѣ, конкретной нуждѣ. Дѣло шло не о милостынѣ, а о *помилованіи себя* передъ лицомъ имущественной неправды жизни, о чудесномъ пересозданіи посильной доброты во всесильное добро, о перерожденіи путемъ отказа отъ неправды *своего* и пріобрѣтенія правды *чужого*, о волшебномъ самопреображеніи.

Въ тотъ же мучительный 1881 г. Л. Н. пишетъ женѣ изъ Самарскаго имѣнія 24 іюля: „ожиданія дохода самыя хорошія. Одно было бы грустно, если бы нельзя было помогать хоть немного, это то, что много бѣдныхъ по деревнямъ, и бѣдность робкая, сама себя не знающая“.

На это С. А. отвѣчала ему 30 іюля: „Хозяйство тамъ пусть идетъ, какъ налажено, я не желаю ничего перемѣнять. Будутъ убытки, но къ нимъ уже не привыкать; будутъ большія выгоды, то деньги могутъ уйти и не достаться ни мнѣ, ни дѣтямъ, если ихъ раздать. Во всякомъ случаѣ ты знаешь мое мнѣніе о помощи бѣднымъ: тысячи самарскаго и всякаго бѣднаго населенія не прокормишь, а если видишь и знаешь такого - то или такую - то, что они бѣдны, что нѣтъ хлѣба или нѣтъ лошади, коровы, избы и пр., то дать все это надо сѣйчасъ-же, удержаться нельзя. чтобы не дать, потому что жалко и потому что такъ надо“. Тутъ глубокая правда въ этихъ простыхъ словахъ, тоже „робкая, сама себя не знающая“.

Обоимъ жалко, но у него эта — любовь — жалость силою неустанно работающаго ума, ищущаго общихъ истинъ, по-

слѣднихъ крайнихъ рѣшеній, силою воли, требующей руко-
водящихъ началъ и цѣлестремительныхъ точекъ, у него эта
любовь-жалость изливается вдаль, распыляется вширь, обра-
щается въ рѣшеніе о томъ, „такъ что же намъ дѣлать?“,
„намъ“ и „вообще дѣлать“, обращается въ проповѣдь хотя бы
и себѣ, своимъ, именно въ проповѣдь раздачи имѣнія, отказа
отъ собственности, самоотрицанія, въ отрицаніи своего и сво-
ихъ. У него боль конкретныхъ впечатлѣній разрастается въ
раціоналистически-евангельскій морализмъ, въ отвлеченно
требовательный гуманизмъ. Кровянистая, живая и теплая
любовь къ ближнему разматывается какъ клубокъ, въ без-
кровную, безличную и холодную воздушную ленту любви
къ дальнему, хочетъ охватить этой тонкой и длинной лен-
той вообще людскую бѣду, вообще народную нужду, вообще
зло жизни. С. А., живущая непосредственной данностью
жизни, боится перейти за грань непосредственнаго чувства,
чтобы не оболгать единственное живое въ чувствѣ тѣмъ
безликимъ и бездоннымъ, что чуется ей въ *его* постановкѣ
вопроса, боится обмануть „робкую, саму себя стыдящуюся“
правду живого чувства необъятнымъ разливомъ вширь, об-
щимъ, слишкомъ общимъ и въ этой общности неощутимомъ
добромъ, опасается оступиться и упасть въ сверхличную міро-
вую бездонность горя и зла. У С. А. любовь къ ближнему...
Любовь же къ ближнему въ противоположность любви къ
дальнему, какъ она взята была на чувство Достоевскаго, на
его чувственную мудрость, какъ она часто бралась въ дру-
гихъ терминахъ и берется,—что она такое? Что-то тре-
петно-живое, сгущенно-личное, что-то согрѣтое теплымъ
дыханіемъ внутренняго человѣка, вниманіемъ и лаской
изнутри и внутрь личности, испареніями сердечной влаж-
ности, искренней душевности. Она чаще принимается за
нѣчто духовное, христіанское по преимуществу въ противо-
положность раціоналистическому худосочию любви къ даль-
нему, отвлеченному безличному гуманизму съ его далекими
послѣдними человѣками, безличными человѣческими едини-
цами. Но въ Евангеліи есть и совсѣмъ другое, явственно
враждебное личной крови и плоти, скорѣе, пожалуй, наружно
похожее на любовь къ дальнему, во всякомъ случаѣ совсѣмъ
другое. ...„И пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и
дочь съ матерью ея и невѣстку съ свекровью ея. И враги

человѣку домашніе его“... Раздѣляющее начало *есть*, *есть* это какъ-бы враждебное *такой*, „слишкомъ личной“ любви къ ближнему и въ христіанствѣ, — въ исторіи, психологіи, въ метафизикѣ Церкви, въ самомъ существѣ, въ самомъ составѣ церковно-христіанскомъ, въ духовномъ опытѣ. Именно оно, именно духовное, попадающее кровь и плоть около любви, духовный огонь и отъ пламени его вянетъ вотъ *то*, и вотъ *это* — живое, свое въ лицѣ ближняго, въ чертахъ близкой жизни, туманится настоящее. Большая тема и не умѣстная для трактованія здѣсь, но во всякомъ случаѣ духовная любовь, испепеляющая на какомъ-то невидимомъ намъ грѣшнымъ огнѣ всякую душевность близкаго и ближнихъ, теплокровность душевной любви, — есть тоже глубоко личная тайна; здѣсь мистическое постиженіе, проникновеніе духовностью черезъ чуждость и отдаленность въ личное существо людей и вещей мірового бытія, въ личносущее всего и всѣхъ. Несомнѣнно одно: и евангельское „враги человѣку домашніе его“ и церковно-аскетическій возгласъ—мольба къ ближнему: „ради Бога, бѣгу отъ тебя“, и всякое такое, если уже внѣ непосредственной любви къ ближнему, то во всякомъ случаѣ и не любовь къ дальнему. Здѣсь начинается въ подлинномъ церковномъ смыслѣ опытъ *духовный*, а С. А. и Л. Н., каждый по своему, съ своимъ, только въ опытѣ *душевнымъ*: она, съ ея любовью къ ближнимъ,—въ христіански-бытовомъ, православно-житейскомъ опытѣ будней жизни, онъ—въ буддійско-нигилистическомъ, протестантски-евангелистическомъ опытѣ празноваія обновленія, безпрестаннаго освѣженія своего Толстовскаго хорошества. Казалось бы, та-же подлинно Христова духовность добывается въ подвигѣ церковнаго аскетизма, но она не уявима въ литературѣ. Несомнѣнно, совсѣмъ иною духовностью духоворствовалъ Толстой. Даже и Достоевскій былъ только на крайней грани душевности христіанской религіи... едва предчувствуя, чуть предвосхищая то, что тамъ... Но и этотъ едва брежившій свѣтъ слѣпилъ его и насъ въ немъ. Изъ русскихъ большихъ людей литературы, быть можетъ только Гоголь зналъ опытъ духовной любви; потому-то такъ не умѣлъ онъ выговорить то, что жило въ немъ, не вмѣщаясь въ брешное жилище души. Что-то было въ немъ — сильнѣе литературнаго слова, даже слова интимнаго собесѣдованія, не потому ли и покрылось оно

пепломъ словъ „Переписки“, сокрылось отъ глазъ. И не увидала, не узнала этого даже такъ называемая религіозная литература. Литература религіозныхъ исканій послѣднихъ лѣтъ не сумѣла понять здѣсь почти ничего, сдѣлавъ изъ этой духовной сокрытости Гоголя затѣйливую литературную загадку—игрушку. Скажемъ и такъ, тамъ въ сферѣ подлинной духовности Христовой любви свѣтитъ намъ далекій образъ евангельской Маріи, а, вѣдь, здѣсь, въ семейной драмѣ Толстыхъ, драмѣ душевной по преимуществу, мы около Марены. И не только С. А., но и Л. Н., оба о земномъ пекутся, но пекутся по разному. Нельзя заспорить того, что Л. Н. весь о земномъ, но только онъ — „о земномъ“ — „въ концѣ концовъ“ и „вообще“, „обо всемъ земномъ“, она—непосредственно печется только о земности, данной ей въ удѣлъ. Она — за помощь единичной бѣдѣ, отдѣльному личному горю; въ чувствѣ жалости къ нимъ и боль, вину чувствуетъ, только за нихъ печется около житейски-возможнаго, но и житейски-правдиваго добра. Онъ подавленъ огромностью зла, ищетъ всеобщаго облегченія, всѣхъ жалѣеть, всѣхъ и любить хочетъ, и, вину за все ощущая въ себѣ, развивая и вымучивая у другихъ, ищетъ постиженія и достиженія всей полноты соблазняющаго его добра, полнаго воплощенія житейски-конфузной правды. А прежде всего хочетъ всецѣло не чувствовать неправду: „*стать вняъ зла жизни*“. Но отдаваясь своему „праведному“ теряетъ ощущение, пониманіе ея „неправеднаго“. Зорко вглядываясь вдаль, не досматриваетъ вблизи. Еще не овладѣвъ своимъ новымъ, уже отщепился, отошелъ отъ стараго; еще не объявъ душею всего чужого, отринувъ это свое. Минутами оглядывается на себя, какъ бы замѣчаетъ это, но потомъ опять такъ выходитъ, что иначе не можетъ и обезсиливается въ упорномъ движеніи къ зовущимъ далямъ. И вотъ слышится С. А.—ѣ это какъ-бы брезгливость его къ той общей ихъ жизни, вмѣстѣ созданной семейной были, къ ихъ общему, но не его теперешнему. къ заботѣ по дому, къ боли о дѣтяхъ, къ мелочамъ, къ деньгамъ, къ имуществу. Свой сталъ какъ чужой далекій. Напримѣръ, въ октябрѣ 1884 г. Л. Н. пишетъ женѣ: „Не могу я душенька, не сердись, приписывать этимъ денежнымъ расчетамъ какую-либо важность. Все это не событіе, какъ, напримѣръ, болѣзнь, бракъ, рожденіе, смерть, знаніе приобрѣ-

твное, дурной или хорошій поступокъ, дурныя или хорошія привычки людей намъ дорогихъ и близкихъ, а это наше устройство, которое мы устроили такъ и можемъ перестроить иначе и на сто разныхъ манеръ. Знаю я, что это тебѣ часто, а дѣтямъ всегда невыносимо скучно (кажется, что это все извѣстно), а я не могу не повторять, что счастье и несчастье всѣхъ насъ не можетъ зависѣть ни на волосъ отъ того, проживемъ ли мы что или наживемъ, а только отъ того, что мы сами будемъ. Ну, оставь Костенькѣ миллионъ, развѣ онъ будетъ счастливѣе? Чтобы это не показалось пошлостью, надо пошире, подальше смотрѣть на жизнь. Какова наша съ тобой жизнь съ нашими радостями и горестями, такова будетъ жизнь настоящая у нашихъ дѣтей, и потому важно помочь имъ пріобрѣсти то, что давало намъ счастье, и помочь избавиться отъ того, что намъ принесло несчастье, а ни языки, ни дипломы, ни свѣтъ, ни еще меньше деньги не принимали участія въ нашемъ счастьи и несчастьи. И потому вопросъ о томъ, сколько мы проживемъ, не можетъ занимать меня; если приписывать ему важность, онъ заслонитъ то, что точно важно“. Біографъ приписываетъ такое нравоученіе: „Но эти—благія намѣренія и эти благіе совѣты не всегда принимались и одобрялись тѣми, къ кому были обращены“. А С. А. очевидно въ отвѣтъ на это письмо писала мужу отъ 23 октября того-же года: „Вчера получили первое письмо; мнѣ стало грустно отъ него. Я вижу, что ты остался въ Ясной не для той умственной работы, которую я ставлю выше всего въ жизни, а для какой-то игры въ Робинзона. Отпустилъ Андріана, которому безъ памяти хотѣлось дожить мѣсяць, отпустилъ повара, для котораго тоже это было удовольствіе не даромъ получать свою пенсію, и съ утра до вечера будешь работать ту неспорую физическую работу, которую и въ простомъ быту дѣлаютъ молодые парни и бабы. Такъ ужъ лучше и полезнѣе было бы съ дѣтьми жить. Ты, конечно, скажешь, что такъ жить—это по твоимъ убѣжденіямъ и что тебѣ хорошо; тогда это другое дѣло, и я могу только сказать: „наслаждайся“, и всетаки огорчаться, что такія умственныя силы пропадають въ колоньи дровъ, ставленьи самоваровъ и шитьѣ сапогъ, что все прекрасно, какъ отдыхъ и перемѣна труда, но не какъ специальное занятіе. Ну, теперь объ этомъ будетъ. Если бы я не написала,

у меня осталась бы досада, а теперь прошла, мнѣ стало смѣшно, и я успокоилась на фразѣ: „чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало“. „И въ тотъ же день,—по словамъ біографа,—какъ бы спохватившись въ нанесеніи Л. Н. боли, С. А. спѣшитъ исправить свою ошибку и пишетъ ему теплое слово: „Я вдругъ себѣ ясно представила тебя и во мнѣ вдругъ такой наплывъ нѣжности къ тебѣ. Такое въ тебѣ что-то есть умное, доброе, наивное и упорное и все освѣщено только тебѣ одному свойственнымъ свѣтомъ нѣжнаго участія ко всѣмъ и взглядомъ прямо въ душу людямъ“. Тутъ все говоритъ за себя: „взглядъ прямо въ душу людямъ“, но, высказывая благія намѣренія и давая благіе совѣты, Л. Н. смотритъ совсѣмъ уже не такимъ взглядомъ. Въ письмѣ его прощающій и любовно ласковый тонъ, большое пониманіе и тепло около „своего добраго“, но, несомнѣнно нѣкоторое недочувствіе „*ея злого*“, сопротивляющагося. Хорошо помочь дѣтямъ избавитъ отъ того, что „*намъ принесло несчастье*“, однако, тутъ дѣло не въ устраненіи языковъ и дипломовъ, а въ томъ, въ чемъ не только *она*, но и *онъ*—слишкомъ человѣчески безпомощны. Его безсиліе задрапировано ея сопротивленіемъ и, быть можетъ,—не знаю,—даже чуточку питается имъ и вообще всякимъ „*нашимъ*“ сопротивленіемъ. Сопротивленіе, помѣхи вообще часто облегчаютъ, даютъ видимость возможности, подобіе правды. Ну, Л. Н. благообразно брезгуетъ *ея* жизнію, *ихъ* жизнію, С. А.—просто безъ щитовъ проникновенности, по-старому, по-жениному сердится: „игра въ Робинзона, наслаждайся“ и т. п... Онъ говоритъ мягко и больно уязвляетъ, она раздражается, отъ „*добра*“ его „*злого*“ дѣлается и выходитъ обидно. А скажи она по другому и возразить, пожалуй, нечего. Она какъ - то съ сердцемъ, съ раздраженіемъ понимаетъ, онъ безъ раздраженія не хочетъ знать и чувствовать. И вотъ выходитъ какъ - то такъ, что правдивѣе она во злѣ, чѣмъ онъ въ добрѣ. Та правдивая неправда, которой живетъ С. А., уже всегдашняя, вѣковая, она дана — передана давнымъ давно, ее не надо заново измышлять, создавать, за нее нельзя нести личную отвѣтственность, нужно только покорствоваться ей, послушествовать, переживать честно и отвѣтственно и въ предѣлахъ своего поведенія выполнять. „Не я хочу—то хочетъ жизнь“, могла бы и она сказать, ей нужно только хотѣть по волѣ этой данности.

угадывать эту волю, чутко и совѣстливо послушествовать ей и любовно, покорно принимать къ сердцу ея велѣнія какъ свои. Не то у Л. Н.; его неправедная правда, лично требовательная, самочинная, своеумная, не данная, а самовольно заданная, съ нею надо заново устраиваться, за свой страхъ и рискъ въ каждомъ изъ безчисленныхъ мгновений этой новой жизни, въ каждый мигъ дня ужиться по такому-то, по новому, поднять въ этой своей зачинательной жизни ту-же правду жизненности, простоты, искренности, которая такъ властна. такъ стихійна въ старой, изначальной. Не устыдиться, не убояться своего новаго, небывалаго, неоправдавшагося, передъ ликомъ бывалаго, оправданнаго ¹⁾). Нужно истинно новое рожденіе,—неудержный зовъ.

Толстой понималъ это и въ послѣдніе годы жизни, почти наканунѣ ухода, отвѣтилъ на одно изъ безчисленныхъ внѣшнихъ подталкиваній его къ уходу со стороны „доброжелателей“: „сдѣлать это надо никакъ не для того, чтобы подѣйствовать на другихъ. Это не въ нашей власти и не это должно руководить нашей дѣятельностью. Сдѣлать это можно и должно только тогда, когда это будетъ необходимо не для предполагаемыхъ внѣшнихъ цѣлей, а для удовлетворенія внутренняго требованія души, когда оставаться въ прежнемъ положеніи станетъ такъ же нравственно невозможно, какъ физически невозможно не кашлять, когда нѣтъ дыханья“ ²⁾).

Но такъ ли это понималъ Левъ Николаевичъ задолго до ухода въ 80-ые годы, когда не уходя—уходилъ и уходя—не уходилъ, когда боролся и воевалъ, не завоеывая; одолевая, ослабѣвалъ, обличая, себя изобличалъ, вымогая—не могъ... Когда въ своемъ обновленіи тамъ и тутъ оставался по-старому и со старымъ, въ своемъ самъ не свой былъ, взлеталъ... и падалъ со сломанными крыльями.

Выше говорилось о томъ, какъ „нельзя немножко добрымъ быть“, т. е. нельзя на бунтъ итти—немножко, немножко съ обрыва слетѣть,—нельзя и проклясть немножко. А этъ проклятія

¹⁾ См. статью мою „Около чуда“ во второмъ сборникѣ „Пути“ о Толстомъ, стр. 207—209.

²⁾ В. Я. Булгаковъ „У Л. Н. Толстого въ послѣдній годъ его жизни“ (стр. 59).

старой, осужденной Толстымъ, жизненной данности во имя самочинной заданности, постоянно, въ тотъ или иной мигъ жизни, въ томъ или иномъ поворотѣ ея, движеніяхъ души, встрѣчались въ немъ и сплетались, срастались съ необходимостью изживать эту данность, старую, отринутую сознаньемъ. И не только изживать, какъ что-то внѣшнее, уже чуждое. Изживать, значить и внутренне принимать, все еще любить и все еще радоваться, грѣться около нея. Голой механической необходимостью двигаться можетъ только механическое же, живая душа живетъ иною необходимостью. Бѣтъ и жить это, вѣдь, не вращеніе колеса въ машинѣ, а жизненный религіозный фактъ, и если не проливается на него тепло и свѣтъ изъ новыхъ алтарей, то волею-неволею согрѣвается и освѣщается онъ святыней старой отринутой правды. Жизнь не можетъ стоять ни на чемъ. Живая душа правду изживаемаго,—пусть скрыто, безмысленно,—носить *въ себѣ*, въ самой возможности жизни, движеній, поступковъ. Въ движущей силѣ ихъ тайно присутствуетъ эта осмысливающая ихъ правда. Въ смысла нѣтъ жизни. И Левъ Николаевичъ въ тѣ 80-ые годы, какъ раньше и послѣ нихъ, ѣлъ и пилъ, двигался и жилъ, былъ въ общеніи съ семьей, съ женой, *у него даже дѣти родились*, онъ любилъ какъ-то и чѣмъ-то всю эту жизнь вокругъ себя, сорадовался съ этой отвергнутой имъ плотью старой житейскости. *А чѣмъ любилъ*, новымъ-ли своимъ человекомъ, или старымъ, объ этомъ излишне спрашивать, слишкомъ ясно: и старымъ. И никакъ нельзя допустить, что онъ только осужденіемъ этой данности жизни изживалъ ея неизбывность. Пришлось бы допустить, что, если не прямо проклятемъ, то отрицаніемъ жизни—жилъ и дышалъ Толстой. А если такъ, если внутренне продолжалъ прикасаться онъ къ этой старой жизни и вдохновляющей ея святынѣ, если внутренне срастался, сплетался съ нею, соединялся душою и тѣломъ, продолжая и даже рождая ее вновь и вновь, и въ себѣ и отъ себя, то не могъ же онъ, не долженъ былъ только тайкомъ, крадучись брать ее. Сорвавъ покровы со старыхъ алтарей—какъ-же можно просто питаться отъ этихъ алтарей, по-животному! Просфору можно только вкушать, но никакъ нельзя по-необходимости жрать. Нельзя оторвать идеальное начало жизни, ея смыслъ, правду, тепло и свѣтъ отъ таинственной мглистости житья-бытья, акта яденія-питья,

рожденія-зарожденія, нельзя это ни въ одну изъ минутъ дня въ году, нельзя разъединить то, что прежде всего соединить стремится всякая правда, всякая религія. И разрывъ, разъединеніе, это—смерть всякой правды, всякой религіи, всякой святыни, какъ старой, такъ и новой. И съ той, и съ этой стороны здѣсь или утаиваніе, или уже кощунство, мертвящее, страшное; здѣсь зарождается ядъ самыхъ убійственныхъ противорѣчій, гнойнаго, червиваго лицемѣрія, сосущей душу лжи. Изживать жизнь—и не хотѣть знать, не осязая правды изживаемыхъ поступковъ своихъ, влеченій, желаній, жить безъ „оправданій“, это—загадка. Еще большая загадка отринуть эту правду и изживать осмысливаемое ею дѣйствіе, въ часахъ и мигахъ, внѣ ощущенія ея живого дыханія. Быть и не добыть правду этого быванія, не овладѣть ею, обезсмысливать силу своихъ переживаній въ самый моментъ ихъ „проживанія“, нѣтъ этого нельзя понять, тутъ что-то неладно, *не такъ* и никакъ не можетъ быть *такъ*.

Чувствую, что повторяюсь, много говорю, мало выговаривая, не умѣю выговорить всей остроты и боли вопроса. А мучительно хочется возможно приблизиться къ недосказанной тайнѣ этихъ вопрошаній, какъ-бы зацѣпить, завязать петелькою словъ въ узелокъ загадочно манящей и невидимо тонкій уголокъ вопроса... А остріе здѣсь въ тайнѣ брака и и объемлемой этой тайной проблемѣ плоти жизни, въ неуловимо-убѣгающемъ въ глубь и оттуда загадочно-темнѣющемъ завиткѣ тайны.

Трудно и страшно *до конца почувствовать*, ну хотя бы то, какъ могъ Толстой писать то, что писалъ онъ объ этомъ въ „Крейцеровой сонатѣ“, и потомъ въ „Послѣсловіи“, въ то время, когда жена его носила его ребенка. Она носила ребенка, а онъ писалъ „Крейцерову сонату“.

Такъ чувствовать полъ, такъ съ сознаниемъ проклясть его и въ то-же время быть въ немъ,—значить разорвать связь правды и жизни до кощунства, значить въ проклятіи зарождать, значить въ любви быть внѣ правды и въ правдѣ своей самодѣльной—внѣ любви. Вотъ объективный рассказъ иностраннаго біографа Толстого, когда-то пытавшася ужить-ся „около правды“ Толстого.

„Его младшая дочь, Александра, родилась 18 іюня 1884 г. при очень тяжелыхъ обстоятельствахъ. Толстой въ это время

какъ разъ былъ въ періодѣ острой тоски, вызванной у него тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ зло внѣшнихъ условій его жизни. Вечеромъ, наканунѣ родовъ, онъ оставилъ домъ, говоря, что не можетъ больше выдерживать жизни въ такой роскоши, и графиня осталась въ неизвѣстности, возвратится ли онъ когда-нибудь назадъ. Скоро начались предродовыя муки и продолжались долго. Графиня сидѣла или лежала, плача, въ саду и отказывалась итти въ комнату. Утромъ въ 5 часовъ когда она услышала, что ея мужъ вернулся, она вошла къ нему въ кабинетъ и спросила его, что же она такое сдѣлала, чтобы ее такъ наказывали: „моя вина только въ томъ, что я не измѣнилась, а ты измѣнился“. Толстой сидѣлъ унылый и мрачный и не утѣшалъ ея. Борьба, происходившая въ его душѣ, была для него важнѣе жизни и смерти. Наконецъ, графиня удалилась въ свою комнату, и ребенокъ родился почти сейчасъ же. Но молоко матери было совершенно испорчено страданіями, испытанными ею, и ей запрещено кормить младенца, чему она приписываетъ тотъ фактъ, что ея младшая дочь кажется менѣе похожей на нее, чѣмъ кто либо изъ другихъ дѣтей“ (Модъ).

Какъ можно съ *такимъ* отношеніемъ къ полу подходить къ женщинѣ, любя ея и не обижая. Если въ душѣ „къ этому“ одно только проклинающее *нѣтъ*, безъ тѣни свѣта отъ святости правды, безъ капельки благославляющей влаги, то *это* возможно только при сообщничествѣ въ преступленіи. Но если она чувствуетъ по-иному, то тогда его преступленіе—обманъ, измѣна и предательство.

Разгадка тутъ, быть можетъ, просто въ рационалистичности „да“ и „нѣтъ“ Толстого, въ одноцвѣтности его утвержденій и отрицаній, въ томъ, что Толстовская „правда“ только мертвая маска живыхъ чувствъ, рационалистически—грубая заплата около мистической глубины жизни. Бракъ—тайна Божія, таинство Церкви Христовой, и глубокую почную тайну эту и тѣмъ болѣе свѣтъ отъ святости таинства никакъ невозможно до конца выговорить, сдѣлать безтайнымъ, вытащить на дневной свѣтъ „и прилѣпиться къ жепѣ своей, и будета два во плоть едина. Тайна сія велика есть“. Въ „Аннѣ Карениной“, пока Китти носить, кормить, растить, Левинъ теряетъ непосредственное ощущеніе данности смысла своей жизни, опустѣвшимъ сознаніемъ запрашиваетъ о немъ,

одинъ, безъ нея, внѣ соединившей ихъ тайны брака. Задастъ себѣ вопросы объ этой тайнѣ... Просыщается старое, добрачное въ немъ, мужское, духовно-бродячее. Онъ, словно заблудившись, недоумѣвающе ищетъ утраченнаго ощущенія правды жизни, смысла ея; изумленно и странно оглядываясь, пробуетъ зацѣпиться за него *разумомъ*, отщенившись волею, чувствомъ, и, цѣпляясь, вытягиваетъ упрямый свой разумъ на свѣтъ солнечныхъ лучей. И чуть ощутивъ присутствіе тайны въ сознаниі изумляется изумленіемъ дивнымъ простотѣ мудрости, питающей силу жизни, глубокой, не дающей сразу простотѣ правды о жизни. А жена?... „Нѣтъ, не надо говорить ей, это тайна *для меня одного* нужная, важная и невыразимая словами“. И вотъ съ этою, для себя одного тайною, мужской, а не мужнею, внѣбрачной тайной и начинаетъ жить Левинъ въ заключительномъ моментѣ романа. И затѣмъ, привыкнувъ къ ней, ободнявъ въ дневныхъ и будничныхъ узорахъ рационалистической мысли, уже не Левинъ, а настоящій Левъ Николаевичъ, послѣ Анны Карениной, дальше и смѣлѣе пытается поднять покровъ, рѣшаетъ, что можно не только уже открыть, проявить рационалистически эту правду о жизни, но и явить, создать, сотворить ее заново изъ себя одного. И вотъ „Исповѣдь“ предъ всѣми и попытки, все новыя и новыя, религіозно стронется заново, *самому—одному*, и „разрушая“ творить по-новому по-своему. И разрывается ниточка за ниточкой связь, освященная и закрѣпленная въ таинствѣ брака,—съ женой, въ тайнѣ рожденія съ семьей, съ бытомъ, съ домомъ съ собственностью, родиной, съ почвой, съ землей, жизнью земною.

Новая истина раскрывается для Л. Н. отрицаніемъ старой, она—*отрицательная истина по-преимуществу*, „стоитъ только человѣку не желать имѣть земли и денегъ, чтобы войти въ Царствіе Божіе. Онъ убѣдился, что зло, отъ котораго міръ погибаетъ—собственность—не есть законъ судьбы, воля Бога или историческая необходимость, а есть суевѣріе, нисколько не сильное и не страшное, а слабое и ничтожное, и что освободиться отъ этого суевѣрія, разрушить его такъ же легко, какъ разрушить слабую паутину“. И онъ всею душой захотѣлъ разрушить родное гнѣздо, покинуть и домъ, и жену, и дѣтей, и поля, и капиталы, и таланты, и все данное ему судьбой, отринуть и сдѣлаться ничего неимущимъ, чтобы

заново и самому добывать *свое* добро, *свое* право быть добрымъ, *свою* личную правду.

О внѣшней сторонѣ разрыва въ семьѣ Толстыхъ, имущественной его сторонѣ, еще въ то время откровенно повѣдалъ братъ С. А. Толстой, С. А. Берсъ. „Объ отношеніи къ своему состоянію, сообщаетъ онъ, Л. Н. говорилъ мнѣ, что онъ хотѣлъ избавиться отъ него, какъ отъ зла, которое тяготило его при его убѣжденіяхъ; но онъ поступалъ сначала неправильно, желая перенести это зло на другого, т. е. непременно раздать его, и этимъ породилъ другое зло, а именно энергическій протестъ и большое неудовольствіе своей жены. Въслѣдствіе этого протеста онъ предлагаетъ ей перевести все состояніе на ся имя, и когда она отказалась, онъ то же, и безуспѣшно, предлагалъ своимъ дѣтямъ“. Съ откровенностью рассказывалъ Берсъ и о тогдашнихъ отношеніяхъ Л. Толстого къ женѣ: „Теперь къ женѣ своей Л. Н. относится съ оттънкомъ требовательности, упрека и даже неудовольствія, обвиняя ее въ томъ, что она препятствуетъ ему раздать состояніе и продолжаетъ воспитывать дѣтей въ прежнемъ духѣ. Жена его, въ свою очередь, считаетъ себя правою и сѣтуетъ на такое отношеніе къ себѣ мужа. Въ ней поневолѣ развились страхъ и отвращеніе къ ученію (толстовскому), послѣдствіямъ его. Между ними даже установился тонъ взаимнаго противорѣчія, въ которомъ слышатся жалобы другъ на друга. Раздать состояніе чужимъ людямъ и пустить дѣтей по міру, когда никто не хочетъ исполнять того же, она не только не находитъ возможнымъ, но считала своимъ долгомъ воспрепятствовать этому, какъ мать“.

— „Мнѣ теперь трудно—писала объ этомъ времени С. А.—я все должна дѣлать одна, тогда какъ прежде была только помощницей. Состояніе и воспитаніе дѣтей — все на моихъ рукахъ. Меня же обвиняютъ за то, что я дѣлаю это и не иду просить милостыню. Неужели я не пошла бы за нимъ, если-бъ у меня не было малыхъ дѣтей? *А онъ все забылъ для своего ученья*“.

Жена Л. Н., чтобы сохранить состояніе для дѣтей, готова была просить власти объ учрежденіи опеки надъ его имуществомъ.

Это было въ 80-хъ годахъ, съ той поры, въ теченіе 30 лѣтъ. много паросло, много пережито съ обѣихъ сторонъ, но поло-

женіе въ существѣ оставалось тѣмъ же. Имущество переведено на имя Софьи Андреевны, переведено на ея имя и все земное, житейское, бытовое, будничное, землисто-грѣшное, „вся та жизнь, съ которой такъ тягостно считаться“. За именемъ же Льва Николаевича остается отрицаніе всего этого, протестующая совѣсть, пассивно сопротивляющаяся правда новой вѣры. Онъ ушелъ, не уходя,—ушелъ задолго до ухода, ушелъ, оставаясь только внѣшне, пространственно, „дома“, въ гнѣздѣ, внутренне-же, душою отринувъ все, со всѣмъ разорвалъ и, разсорившись, устанавливалъ только внѣшнее тридцатилѣтнее перемиріе до смерти, худой миръ, чтобы съ ними быть и ихъ не знать, быть вмѣстѣ и не жить вмѣстѣ, послушествовать и бунтовать, прощать и осуждать, переносить и жалобиться, смиряться и гордиться, любить и холодѣть, прикасаться и брезговать... словомъ, жить и не жить.

Такъ и стало два берега, на одномъ С. А. съ семьей, тепломъ и сорнымъ добромъ жизни, во всякой паутинѣ житейскости, со всякою „кривдою“, на другомъ — Л. Н. съ своей самодѣльной вѣрою, съ холодомъ и пустотою чистоты, съ одною голою „правдою“ отрицанія. И какъ тогда, оставшись, Л. Н. ушелъ, такъ, много позже, наканунѣ смерти, уйдя, остался. Остался отрицаніемъ, отрицательнымъ осудительнымъ касаніемъ всему, питательнымъ отрицаніемъ и питательнымъ осужденіемъ. По сю сторону, на его берегу, минусъ ставится всему, что по ту сторону, „тамъ у нихъ“, плюсомъ отмѣчается; не надо ему того, что тамъ нужно, не важно, что тамъ важно, для него просто, что тамъ сложно, и сложно, что тамъ просто, безответственно и легко, что тамъ ответственно и трудно, обезсмысленно и обездушено все, что тамъ полно души и смысла. Но минусъ и плюсъ къ одной и той же абсолютной величинѣ относятся, абсолютно реальной на обоихъ берегахъ: у нихъ положительно, у него отрицательно. Отказываясь, Л. Н. не преодолевалъ, а отрывалъ; уходилъ, а не поднимался. Его своеобразный аскетизмъ не надъ міромъ, а только *противъ міра*. Не преодоленіемъ міра, не спасеніемъ личности, не побѣдою надъ зломъ, не воскресеніемъ, а отрицаніемъ міра, мертвенностью личности, пассивнымъ сопротивленіемъ злу, беспильнымъ отрицаніемъ смерти, — упрямой пѣтовщиной творилъ опъ свою вѣру, „свое житіе“.

Такъ страстно, такъ напряженно стремился начать создавать житіе свое, начать жизнь просвѣщающую, во тьмѣ свѣтящую свѣтомъ, но именно близкихъ своихъ менѣе всего могъ просвѣтить, „темнымъ“ для нихъ сдѣлался, „темнымъ“—остался¹⁾. Изъ всѣхъ силъ стараются обратить жизнь Толстого въ житіе. Булгаковъ такъ и пишетъ послѣдніе дни Льва Николаевича. Однако—темнота, пустота и что-то душное ощущается въ этой атмосферѣ самодѣльнаго подвига, самосочиненной правды, мучительно тревожитъ что-то неулаженное, неуспокоенное, непросвѣтлѣнное, обидно неблагостное, неблагоговѣнное,—словно гдѣ-то совсѣмъ недалеко незапертыя ставни хлопаютъ отъ вѣтра и въ стекло кто-то скребется или, можетъ быть, это вѣтеръ востъ въ трубѣ, тоскливо-холодно... Чувствительнѣе всего это въ мелочахъ повседневности, въ тусклости буденъ.

„...Къ чаю Л. Н. вышелъ мрачный и, не помню—почему, сказалъ, что на свѣтѣ жить тяжело.

— Тебѣ-то почему тяжело? — спросила С. А. — Всѣ тебя любятъ.

— Еще какъ тяжело-то,—возразилъ Л. Н.—Отчего же мнѣ не тяжело-то можетъ быть? Оттого, что кушанья-то хорошія, что-ли?

— Да нѣтъ, я говорю, что тебя всѣ любятъ.

— Я думаю,—снова возразилъ Л. Н.—что всякій думаетъ: проклятый старикашка, говорить одно, а дѣлаетъ другое и живетъ иначе; пора тебѣ подохнуть, будетъ фарисействовать-то. И это совершенно справедливо. Я часто такія письма получаю, и это — мои друзья, кто мнѣ такъ пишетъ. Они правы. Я вотъ каждый день выхожу на улицу: стоятъ нятя оборванныхъ нищихъ, а я сажусь верхомъ на лошадь и ѣду, и за мной кучеръ“²⁾.

¹⁾ См. рассказъ Лазурскаго о томъ, какъ въ семьѣ Толстыхъ младшія дѣти и С. А. именовали идейныхъ пріятелей Л. Н., „Толстовцевъ“—„темными“. „Графиня и ея дѣти часто видали или узнавали отъ прислуги что какіе-то, никому неизвѣстные, „темные“ личности, проходили въ кабинетъ Л. Н. Среди семьи Толстого въ отношеніи ихъ установилась эта кличка... „Вы знаете,—говорила двѣнадцатилѣтняя Сапа, которой знакомая дама подарила въ именины коробку конфетъ: — папа очень будетъ недоволенъ, онъ вѣдь *темный* и не любитъ, когда ѣдятъ конфеты“... (В. Лазурскій. „Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ“).

²⁾ В. А. Булгаковъ „у Л. Н. Толстого въ послѣдній годъ его жизни“ 66-ть.

И такое много-много разъ повторяется, много-много разъ слышится въ семьѣ Толстыхъ въ долгіе-долгіе годы ихъ жизни. Ободнявшее непокорное покорство, смирившаяся жалоба, жалующееся своеволие: оставшись — ушелъ, уйдя — остался, и все-то, все приговаривалъ, пришепывалъ, прицѣпляя боль свою къ буднямъ жизни, къ чужому—свое, къ радости близкихъ свою обжившуюся среди нихъ тяготу...

Наступаетъ весна, которая, 79-я-ли, 80-я-ли въ жизни Л. Н., распускаются зеленые листочки, воздухъ струится, ласкаясь, просится радостью въ душу, о чемъ-то просить, куда-то зоветь. Весна въ Ясной Полянѣ.

„Обѣдъ. Л. Н. выходитъ на террасу, гдѣ накрыто въ первый разъ.

— Что, хорошо?—обращается къ нему С. А.

— Да нѣтъ, нехорошо. Что же на позоръ выставлать? Ходить народъ, все это видить.

Я видѣлъ, какъ огорчилась С. А.

— А я думала, что ты скажешь: ахъ, какъ хорошо, — говорила она ему послѣ тихо за обѣдомъ.—Такая природа...”

„Истинный прогрессъ идетъ медленно, — ведетъ Л. Н. бесѣду за тѣмъ же обѣдомъ,—потому что зависитъ отъ измѣненія міросозерцанія людей. Онъ идетъ поколѣніями. Теперешнее поколѣніе состоитъ, во-первыхъ изъ баръ, изъ такнхъ, съ которыми совѣстно вотъ здѣсь обѣдать, и изъ революціонеровъ, которые ненавидятъ ихъ и хотятъ уничтожить ихъ насиліемъ. Нужно чтобы оба эти поколѣнія вымерли и замѣнились новымъ. Поэтому все—въ дѣтяхъ, все зависитъ отъ того, какъ воспитывать дѣтей. Послѣ обѣда всѣ пошли на деревню—показывать крестьянамъ граммофонъ, что давно задумалъ Л. Н. Я понесъ ящикъ, Ив. Ив.—трубу, а Л. Н. и Хорада—по свертку съ пластинками. Затѣмъ установили граммофонъ на площадкѣ у избы, гдѣ помѣщается библиотека, созвали обитателей Ясной Поляны — деревни и завели машину. Ставили и оркестръ и пѣніе и балалайку. Балалайка особенно понравилась. Подъ гопакъ устроили пляску, которую Л. Н. наблюдалъ все время съ живымъ интересомъ“¹⁾).

¹⁾ Тамъ-же, 136.

Все это рассказывает простодушный ученикъ - зритель одно за другимъ, не подозрѣвая сколько тутъ мучительныхъ, воистину страшныхъ въ простотѣ своей глубокихъ противорѣчій и добрыхъ ужасовъ. Наступилъ ногой на зеленую радость, раздавилъ лепестокъ тихой ласковости, сверлящей „совѣстью“ прокололъ живое тѣло, затемнилъ темнотой этой самой совѣстливости улыбку ясную весны. Застыдился обѣдать съ „такими“ снаружн, а не застыдился изнутри совѣсти своей, взялъ граммофонъ и „завелъ машину“.

Медленно измѣняется міросозерцаніе людей, поколѣніями, во мглистой дали дней и годовъ таятся питающіе ихъ источники, а вотъ преобразующая сила новой правды скоро и стремительна — воспитывать дѣтей, воспитывать, учить, научать... и вотъ ученикъ съ нѣжностью рассказываетъ, какъ Л. Н. проситъ направить трубу граммофона къ двери, „тогда бы и они могли слышать“. „Они—это были лакеи, какой-то мальчикъ, какая-то женщина и еще кто-то, однимъ словомъ, прислуга, которая въ сѣняхъ толпилась на ступенькахъ лѣстницы и сквозь перилыцы заглядывала въ залъ и ловила долетавшіе до нея отрывки „словъ графа“ — какъ они говорили, что я слышала, проходя по лѣстницѣ“.

Или еще: — „Право, намъ бы нушло въ нашемъ обиходѣ одно блюдо сократить. Къ чему оно? Совершенно лишнее“... Такъ, такъ, очень хорошо, но отчего все это не столько трогательно, сколько томительно, не столько хорошо, свѣтло, сколько тягостно, душно, сказать прямо, противно... Заведена бытовая многовѣковая машина, а Л. Н. упрямо заводитъ свою машинку и себя, и всѣхъ своихъ надоѣдливо томить ею, какъ браминскимъ рѣшеніемъ Пифагоровой теоремы (см. объ этомъ у того-же Булгакова), въ поѣздѣ ѣдучи, свои самодѣльные поѣзда пуская внутри вагона, въ обратномъ направленіи... И всѣхъ приглашаетъ въ соучастники, серьезно и величаво. Главное-же, все это дѣлается трезво, размеренно, безкровно измыслительно, какъ-то плоско, безъ огня и безъ хмѣля, безъ всякихъ бродильныхъ ферментовъ. Въ упрямомъ уродствѣ его нѣтъ и тѣни юродства. Ради нихъ,— „какой-то мальчикъ, какая-то женщина и еще кто-то“,—дѣлается что-то, какое-то хорошество, насильно обращающее свое родное въ чужое и дальнее, а чужое далекое—въ близкое свое. Личное, живое, конкретный трагизмъ жизни уродуется въ общее, мертвенно безжизненное...

Замѣнивъ своимъ отрицаніемъ чужія утвержденія, измѣнивъ плюсъ на минусъ, онъ оставилъ абсолютную величину неприкосновенной. Изъ мудро-покорнаго раба міра сего обратился въ мудрено непокорнаго раба этого же міра. Самъ посягая на чудо вѣрой въ самочинное привращеніе плюса въ минусъ, въ чудо Божьяго преображенія не вѣрилъ и у Бога чудесъ не просилъ; призывая Бога, спасенія отъ Него не хотѣлъ и въ Спасителя не вѣрилъ; молясь, немощность Божію утверждалъ, безсиліе Его надъ міромъ... И вотъ пройдя мимо тайны Искупленія, тайны вѣчности безсмертной личности, разрѣшимой только въ Воскресеніи, мимо брачной тайны индивидуальнаго сліянія, упрямо и безсильно пытаюсь сдѣлать тайное явнымъ, обратилъ все здѣсь въ безтайное, отщепился душой отъ трагедіи личности, личнаго зла и личнаго добра, отъ личнаго въ себѣ, въ своемъ, въ семьѣ, въ женѣ и дѣтяхъ, въ людяхъ и въ мірѣ, обрѣлъ, наконецъ, безличность въ себѣ и вокругъ себя, въ Чертковыхъ, Бирюковыхъ, Булгаковыхъ. Въ безсиліи внутренне преобразить, убѣлить, освятить самъ свое, родное, кровное, отдался чуждому, безродному, безкровному въ толстовщинѣ, чертковщинѣ, сталъ, старался стать не самимъ собой, чтобы и все вокругъ было не само собой, обезличилось, обезкровилось, обезжизнилось—омертвѣло.

Страшно то, что въ семью Толстыхъ, черезъ жизнь, черезъ душу Льва Николаевича явился Чертковъ, символизируя холодъ и пустоту, тупое добро, безликую, безтрепетную правду, прямую, какъ аршинъ, совѣсть, добродѣтельную духоту, тяготу, нудную надуманность добра. Ты царь—живи одинъ, сказалъ поэтъ о геніи. Геній Толстого ни съ кѣмъ, ни съ чѣмъ живымъ не ужился, ни съ чѣмъ человѣчески-личнымъ не сливался, и, какъ геній, предпочиталъ нечеловѣческое, подчеловѣческое. Завелъ около себя мохнатое, жиромъ лоснящееся, мускулисто животное, послушное, вѣрное, отдохновенное. Такова сокровенная психологія отношенія Л. Толстого къ толстовцамъ. И вотъ это безликое, чуждое, индивидуально-мертвенное, человѣчиной не пахнущее существо обжилось около генія Толстого, ободняло... И уже покушается на глубокую личную тайну его жизни, поглотило все собственное, самородное, лично-цѣльное и стало для Льва Николаевича лучше, ближе, роднѣе, важнѣе и нужнѣе своего

собственнаго, своей жены и своихъ дѣтей, своего гнѣзда, своего генія. Аляповатая гуттаперчивая фигура Владимира Черткова вмѣсто и на мѣстѣ личной тайны и живой близости къ своей семьѣ и самому себѣ.

Геніальный старецъ любилъ такъ играть въ куклы. И вотъ его любимая резиновая кукла надулась воздухомъ, задвигалась на пружинахъ и, какъ мячъ подскакивая, пошла плясать, производя беспорядокъ среди живыхъ. И вотъ пошло все личное обезличиваться; все глубокое и тонко-психологическое, интимно-жизненное и неприкосновенно-личное стало захватываться идейными лапами общественной требовательности, рациональной притязательности, фальшивой выдуманности. А, вѣдь, Толстой жилъ все-таки въ неразгибаемомъ завиткѣ иррациональной житейскости, и вотъ живыя нити семейной паутины, гдѣ матеріальное приросло къ душевному и даже духовному, гдѣ души слились съ вещами,—вдругъ стали разматываться и размѣриваться по грубо виѣшнимъ, насильственно идейнымъ, общественно-рационалистическимъ шаблонамъ, развѣшиваться и разцѣпываться на фальшивыхъ вѣсахъ газетнаго благородства и журнальной справедливости.

И велика была глубокая, несказанная обида Софьи Андреевны, правда подлинная въ неизъяснимой боли всей семьи, когда кровныя, родственныя, глубоко-интимныя нити ихъ жизни стали рѣзать и кромсать ножомъ общественности и идейности, когда изъ-подъ лика своего родного умирающаго, умершаго мужа, отца, дѣда, Льва Николаевича, проснулась маска Черткова и „засвистали казаченки“... по газетамъ, журналамъ, обществамъ и собраніямъ о томъ, къ чему у нихъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ, ни правыхъ, ни лживыхъ, просто никакѣйшихъ подходовъ, касаній, пониманій. И величіе генія Толстого со смертью его еще разъ накрыло тьмой жену и семью, отозвалось болью въ ихъ душахъ, обезчестило, обезсовѣстило, обездобрило, обезправило ихъ честию, совѣстью, добромъ и правдой Льва Толстого.

Уходомъ и смертью, какъ жизнью, Л. Н. обѣлился свѣтомъ отъ тьмы домашнихъ своихъ. Наконецъ, въ защиту себя отъ великаго мужа С. А., семья, бытъ, родина, земля, все грѣшное, земное могло бы сказать—огрызнуться жестокими словами Катюши Масловой, сказанными Неклюдову въ

„Воскресеніи“: „Ты мной хочешь спастись... Мною въ этой жизни усаждаюсь, мной же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись“...

Черезъ это грѣшно-праведное „хотѣніе“ прошелъ въ семью, вглубь ея, включительно до посяганій наслѣдственныхъ, символическій и живой Чертковъ, а за нимъ и вся идейно общественная, интеллигентская улица.

Правъ былъ Левъ Львовичъ Толстой, когда какъ укушенный, закричалъ отъ боли, правъ своей правдой и въ томъ, что закричалъ: „какъ гордый сынъ своего отца...“

Тогда много указывалось, что Л. Л. Толстой возставляя отца жертвой „неумнаго вліянія“, умаляетъ „величіе отца“. Такъ высказался и другой сынъ Льва Николаевича—И. Л. Толстой. Однако правдой умалить величіе нельзя, а что здѣсь правда жизни была, это такъ понятно, если не закрываться величіемъ Толстого, какъ внѣшнимъ ослотомъ. Великій старикъ былъ человѣкъ, сложный человѣкъ и въ сложности слабѣющій Чертковъ—слетѣлъ, какъ ничтожная галка съ крыши, а что ничтожество галки прямизной своей рѣшаетъ судьбу великихъ сомнѣній великихъ людей, это нерѣдкость въ исторіи и общее мѣсто психологіи. Конечно, дверь открылъ къ себѣ въ комнату Л. Л. самъ, одинъ, а *тотъ*, вчужѣ милый ему, вошелъ и усѣлся въ сердцѣ генія на самомъ видномъ мѣстѣ русской культуры, усѣлся съ ногами на мягкихъ подушкахъ толстовскаго величія, рычитъ на домашнихъ господина и тѣмъ любъ господину, соблазнительнъ своей внѣисторичностью, внѣпсихологичностью, галочьей прямизной...

Не быть Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, а стать, внѣ себя самого, Владиміромъ Чертковымъ, такъ сказать, съ предметомъ въ урвель, только это и могло дать нѣкоторый хмѣль въ паслоеніи мотивовъ ухода Льва Толстого. Главное же въ живой маскѣ были всѣ пужныя черты живого лица Толстого, кромѣ собственнаго самого его, но отъ себя онъ искалъ ухода и черты правдоподобія оживляли толстовство въ Толстомъ... Онъ ушелъ въ объятія призрака... и умеръ. А маска осталась на мѣстѣ лица Льва Толстого, и стали отрывать мужнее отъ женинаго, отцовское отъ сыновьяго, семейное отъ семьи, явное, обидно ясное отъ тайнаго, молчаливаго большимъ молчаніемъ, отрывать чѣмъ-то холодно

рѣжуцимъ, пусто-бездушнымъ, мертвенно-слѣпымъ, чѣмъ-то толстовски-чертковскимъ.

Пришли идейныя тетушки-салопницы, кумушки-общественницы—наслѣдство дѣлать, помипки справлять, покойника, какъ своего, оплакивать—величать. Осмотрѣлись, злобѣще пошептались въ прихожей, пошущукались, хамски-горделиво проныгали въ гостинную, посидѣли чинно и далѣе прослѣдовали, какъ свои въ кабинетъ разсѣялись, и черезъ идеи-принципы отца, цѣпляясь за нихъ уже не по-отцовски бережно, стыдливо, а, ухватившись мертвой хваткой, замѣзли и въ комодъ къ матери, въ столовую, въ семейную кладовую, всюду забрались, разбрелись по дому, по саду, по цвѣтникамъ, по тайнымъ уголкамъ, все зачупали, затрогали, готовые растащить по общественнымъ дворамъ, натоптали, наплевали жеванными сѣмячками идейныхъ мелочей общественныхъ дрызгъ, домашнихъ перессорили, и вотъ уже тащатъ все на потребу міра, злобы дня, благовидной своей злобы, огрубляютъ, оболваниваютъ по-общественному, по-разумному, опутываютъ живое, житейское, интимное, изнутри правдивое фальшивыми тенетами кажущейся правды, видимою сочинешнаго добра, разсудочнымъ печатнымъ правдоподобіемъ.

Но Левъ Толстой умеръ, „Господь Богъ да будетъ милостивымъ Судіею“.

А. С. Волжскій.
